

БОГ, КОТОРОГО
НЕ БЫЛО
БОГ, КОТОРОГО

ЧЁРНАЯ
КНИГА

НЕ БЫЛО

БОГ, КОТОРОГО

НЕ БЫЛО

БОГ, КОТОРОГО

НЕ БЫЛО

БОГ, КОТОРОГО

18+

ТРИЛОГИЯ

АЛЕКСЕЙ ФРЕНКЕЛЬ

БОГ, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

Бог, которого не было

Алексей Френкель

**Бог, которого не
было. Черная книга**

«РИПОЛ Классик»

2022

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Френкель А. Р.

Бог, которого не было. Черная книга / А. Р. Френкель —
«РИПОЛ Классик», 2022 — (Бог, которого не было)

ISBN 978-5-38-615119-5

«Бог, которого не было» – это роман-исповедь. В Иерусалиме, рядом со Стеной Плача, есть почтовое отделение. Обычное почтовое отделение, но все письма, где в графе «Получатель» написано: Бог, Всевышний, Элохим, Адонай, Отец Небесный и т. д., приходят именно туда. Конверты вскрывают, а письма закладывают в расщелины Стены Плача. Считается, что так Бог быстрее узнает и скорееотреагирует. Двадцатилетний парень, приехавший из России, получает эту нехитрую работенку – вскрывать конверты с письмами Богу. Читать письма категорически запрещено, но наш парень однажды не сдержался и полюбопытствовал. А потом совсем не сдержался – и ответил. Вместо Бога. Потом ответил на еще одно, потом еще. Впервые в истории человечества у этого самого человечества было настоящее, вещественное доказательство существования Бога. Он отвечает на письма... Десять лет. Многобукаф. Три книги романа – белая, черная, красная. Исповедь Бога, которого не было. Исповедь, записанная на айфон. Наперегонки со смертью. В книге присутствует нецензурная брань!

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-38-615119-5

© Френкель А. Р., 2022
© РИПОЛ Классик, 2022

Содержание

От редакции	10
Сто пять шекелей двадцать девять агорот	16
Перекур	24
Куда бы ты ни	27
Окончательно взленинградило	28
Черный пес Петербург	29
В клевоности было клево	31
Если любишь – отпусти	32
Я все еще еду в Петушки к любимой девушке	33
Вечно молодой, вечно пьяный	35
Не бойтесь, выживем. В крайнем случае – из ума	37
Нормальных людей не бывает	38
Радость	39
Майя через алеф	40
Конец света в пятницу. Успеет вдоволь потанцевать	41
Что тебя не устраивает? Смерть	43
Ощущение какой-то недосказанности	45
Боль. Ее слишком много	48
Богу все равно, есть он или нет	51
Мы еще сразимся с тобой в плейстейшен	54
Рано или поздно каждому придется пройти свою зеленую милю	57
У всего есть свой срок годности	58
Если тебя не выкинули в мусорное ведро	59
«Когда они говорят “покайся” – я не понимаю, что они имеют в виду»	60
За гранью Бога	62
Встань и иди	64
На глубине тысячи поцелуев	65
Миллионный день с начала новой эры	66
«Великая железнодорожная симфония» – она обязательно попадет в рай для песен	67
Чертовски крепкий бедуинский кофе	68
Всё – это не то, что окажется	70
Изгнание бесов	71
Конец пути	72
Галилейское море	73
Снова, снова и снова – бог лишил меня слова	74
Подайте на бедность Богу	78
Средняя стоимость моей души	79
Не каждому человеку дано так умереть	80
Погружаемся в любовь	81
Иногда просто необходимо выйти за дверь	83
Я, слава богу, не ты	84
Когда тебя зовет эхо – надо идти	85
Страсти по Андрею	86
Мой плюшевый бог	88
Я подумал, что хорошо бы разучиться думать	91

Вот так и живем	92
И будет шварма. И ныне, и присно, и вовеки веков	93
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Алексей Френкель

Бог, которого не было. Черная книга

© Френкель А. Р., текст, художественное оформление, 2022

© Иванов И., иллюстрации, 2023

© Петрова А., иллюстрации, 2023

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «Рипол классик», 2024

* * *

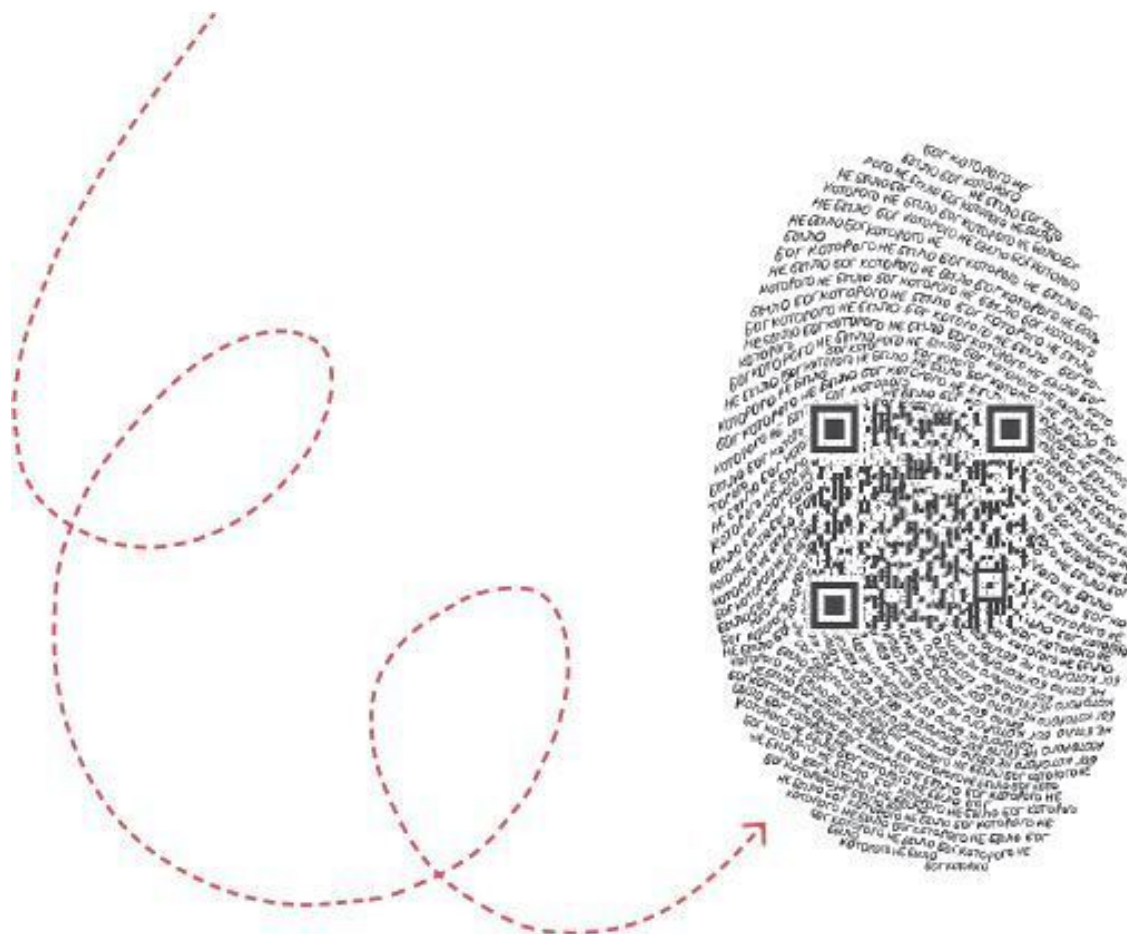

От редакции

Книги разговаривают со своими читателями. Некоторые тихо, шепотом; некоторые нежно, некоторые грубо. Какие-то книги утешают, какие-то соблазняют. Говорят, есть и такие, что вдохновляют. Это и от книги зависит, и от читателя.

Роман «Бог, которого не было» говорит многими голосами, и эти голоса можно не только услышать, но и увидеть. Если нажать на отпечаток пальца с QR-кодом, то вы можете увидеть, как текст, что вы только что прочитали, читают прекрасные актеры.

Для тех, кто не читал белую книгу романа «Бог, которого не было»: купите и прочитайте.

Это – хороший роман. Многие говорят «гениальный», но я человек скромный, так что пусть будет просто «хороший». Хотя нет – пусть будет «очень хороший». И скромно и правда.

А кроме того, издательство платит мне проценты от проданных книг. Точнее, пока еще не платит, но, как только вы купите роман – обязательно заплатит. Так что, пожалуйста: читайте и белую книгу романа «Бог, которого не было», и черную. А еще ждите красную.

Кроме буковок в книгах – и в белой, и в черной, и в красной, – еще и картинки есть. Много. И это не просто картинки, это иллюстрации гениальных (вот правда – гениальных) художников: Сергея Бунькова и Ивана Иванова. А еще и виртуозная каллиграфия Анастасии Петровой.

А еще на страницах романа есть QR-коды, и, нажав на них, вы сможете увидеть и услышать, как текст, которым вы только что восхищались (ну я так надеюсь), читают замечательные артисты театра и кино. И артисты замечательные, и читают замечательно. Ну и текст тоже неплох.

Кстати, о смартфонах. «Бог, которого не было» – это исповедь. Исповедь, записанная на диктофон старенького мобильного. Мне (давайте я и дальше буду писать от первого лица, хотя, разумеется, автор – это автор, а абонент номера 8-925-170-73-10 – это абонент номера 8-925-170-73-10; и то, что у них день рождения в один день и оба они любят Чета Бейкера и СашБаша, – это не более чем случайность); так вот: этот айфон мне на двадцатилетие подарили. В «Сиськах». Вообще-то клуб назывался «Твин Пикс», но все его звали «Сиськи». Он был рядом с бабушкиным домом на Соколе, и его неоновую вывеску «Клуб Twin Peaks» даже с балкона можно было увидеть. Не то чтобы я всю жизнь мечтал там работать, но вдруг выяснилось, что надо что-то есть, а для этого нужны деньги. Я же, спасибо моей еврейской бабушке, ничего не умел. Но, опять же, спасибо моей еврейской бабушке, умел играть на фоно. Кстати, эта херня – я про есть и работу – случилась не только со мной, это случилось со всеми. Со всей страной. Это было странное время. Как будто сразу у всей страны умерла бабушка и некому стало следить, вымыла ли страна руки и надела ли она шапку. Олимпийский мишка давно улетел, а взамен ничего не прилетело.

Сестры Вачовски еще были братьями, но Марадона уже забил гол рукой. Заповеди твои не работали. Ты – это Бог. Ну, то есть они никогда не работали, но тогда они не работали от слова «совсем». А вот я работал – в ночном клубе «Твин Пикс», который все звали «Сиськи».

Это было десять лет назад, и я был на десять лет счастливее, чем сейчас. Да и еще айфон мне подарили. От «лица всех Сисек», где я и праздновал свое двадцатилетие. А еще я там Дашу встретил.

А потом все пошло наперекосяк. Из-за любви. Ну, или из-за ее отсутствия. Так что, если ты все-таки есть и ты есть любовь, – то все произошло из-за тебя. Или из-за твоего отсутствия. Ты – это Бог.

Все настолько пошло наперекосяк, что я уехал в Израиль. «Совершил алию» – так это называется. Хотя еврей из меня был так – на троечку. Да и про Израиль я не знал практически ничего. Зачитанная до дыр «Мастер и Маргарита» не в счет. «Иисус Христос – суперзвезда», которую я знал наизусть, – тоже. Я даже смутно представлял себе, где это – Израиль. Знал, что там жарко и что Израиль – седая запавшая пизда планеты. Это не я сказал. Это Джойс. Ну, тот, который Улисс и который «До-о-о, Даша». Но про пизду – это он в хорошем смысле. То бишь колыбель цивилизации и все мы оттуда вышли. А я туда уехал. С похмелья. Пусть и безалкогольного. Получилось очень по-русски: а-а, в пизду, сказал я и совершил алию.

В Израиле выяснилось, что Джойс не прав. Или не совсем прав. Хотя это как кому повезет. Мне – повезло. Или не повезло. Не знаю. Дочитаете роман – сами решите. Это я ненавязчиво напоминаю (в данном случае я – это автор); так вот автор романа «Бог, которого не было» ненавязчиво напоминает, что издательство платит этому самому автору проценты от проданных книг. И от белой книги романа, и от черной, и от красной.

А Израиль – это совсем не то, что сказал Джойс, это – страна трех религий. Но истинной религией израильтян является шварма. Хотя некоторые неканонические израильтяне исповедуют хумус. А еще Израиль – единственное место в мире, где детей называют Иуда. И это никого не парит.

И Иисус Христос для евреев – это просто еврей. Не бог ведь какой еврей, но все-таки. Некоторые евреи вообще считают, что христианство – это такая лайт-версия иудаизма. Для неевреев.

Раз уж мы об Иисусе Христе заговорили. В Израиле есть Голгофа. Ну, та – где евреи Иисуса Христа распяли. Даже несколько Голгоф. Штук пять. Или семь. Но только две из них считаются подлинными.

А еще в Израиле есть пустыня. Даже несколько. Я до Израиля пустыню только в кино видел. В «Белом солнце пустыни», где Луспекаев взятка не берет, потому что ему за державу обидно. А еще – в «Забриски-пойнт» Антониони. Там еще «Пинк Флойд» и Джерри Гарсия играют.

А вот Даши в Израиле нет. Израиль – это страна, где есть несколько Голгоф и несколько пустынь, но нет Даши.

А еще в Израиле есть тараканы. Огромные, похожие на бронированные «мерседесы» с удлинненным кузовом. Черные, с тонированными стеклами. Наглые, уверенные в своей безнаказанности тараканы с тонированными стеклами и удлинненным кузовом.

Израиль – это страна, где полно пустынь, Голгоф и тараканов с тонированными стеклами. Но нет Даши.

А еще в Израиле есть Иерусалим. Это не город, хотя и город тоже. Не знаю, как это объяснить, но у меня с Иерусалимом любовь и мурашки. Мною можно мерить любовь к Иерусалиму. Один я как один Ом или там один килограмм. Очень рекомендую Иерусалим всем, кто планирует в будущем сойти с ума. Или уже сошел. Вам тут будут рады, здесь вас поймут. Ну, если, конечно, у вас с Иерусалимом любовь и мурашки.

И как раз в Иерусалиме я устроился на работу. На почту. Это, конечно, очень странно – я и почта, хотя я и работа – это еще более странно. Но в Израиле и не такое бывает.

Отделение, куда меня приняли на работу, находилось на улице Агриппа, 42. Точнее, одной половиной здания – на Агриппа, а другой – на улице Яффо. В Израиле так бывает. С Яффо эта штука была высотой пятнадцать этажей, а с улицы Агриппа – то ли восемь, то ли девять. Точно не знает даже архитектор этого убожества. А еще есть цокольный этаж. Или два. Называется это всё «Биньян Кляль» и считается в богоизбранном народе проклятым местом. Потому что на древнем кладбище построено. А Булгаков – он вообще в это место свою Голгофу поместил. Ну, не свою, конечно, хотя как знать.

Но самое главное, что все письма, где в графе «Получатель» написано: Бог, Всевышний, Элохим, Адонай, Отец Небесный и т. д., приходят именно туда. Отделение наше, кстати, называлось «Лев Иерушалаим» – «Сердце Иерусалима». Ну а куда еще должны приходить письма к Богу? Сердце Иерусалима на улице Агриппа, 42. Проклятое место. А куда еще должны приходить письма к Богу?

Обязанности у меня были не очень сложные: носить кипу и вскрывать конверты. Потом я раскладывал людские просьбы, слезы и надежды на две кучки. По половому признаку. Как в школьном походе: мальчики налево, а девочки направо. А специальный рав забирал отсортированные молитвы и вкладывал их в Стену Плача. Как у флойдов в The Wall – еще один кирпич в стене. И как у Алана Паркера в The Wall – это всего лишь еще один кирпич в стене.

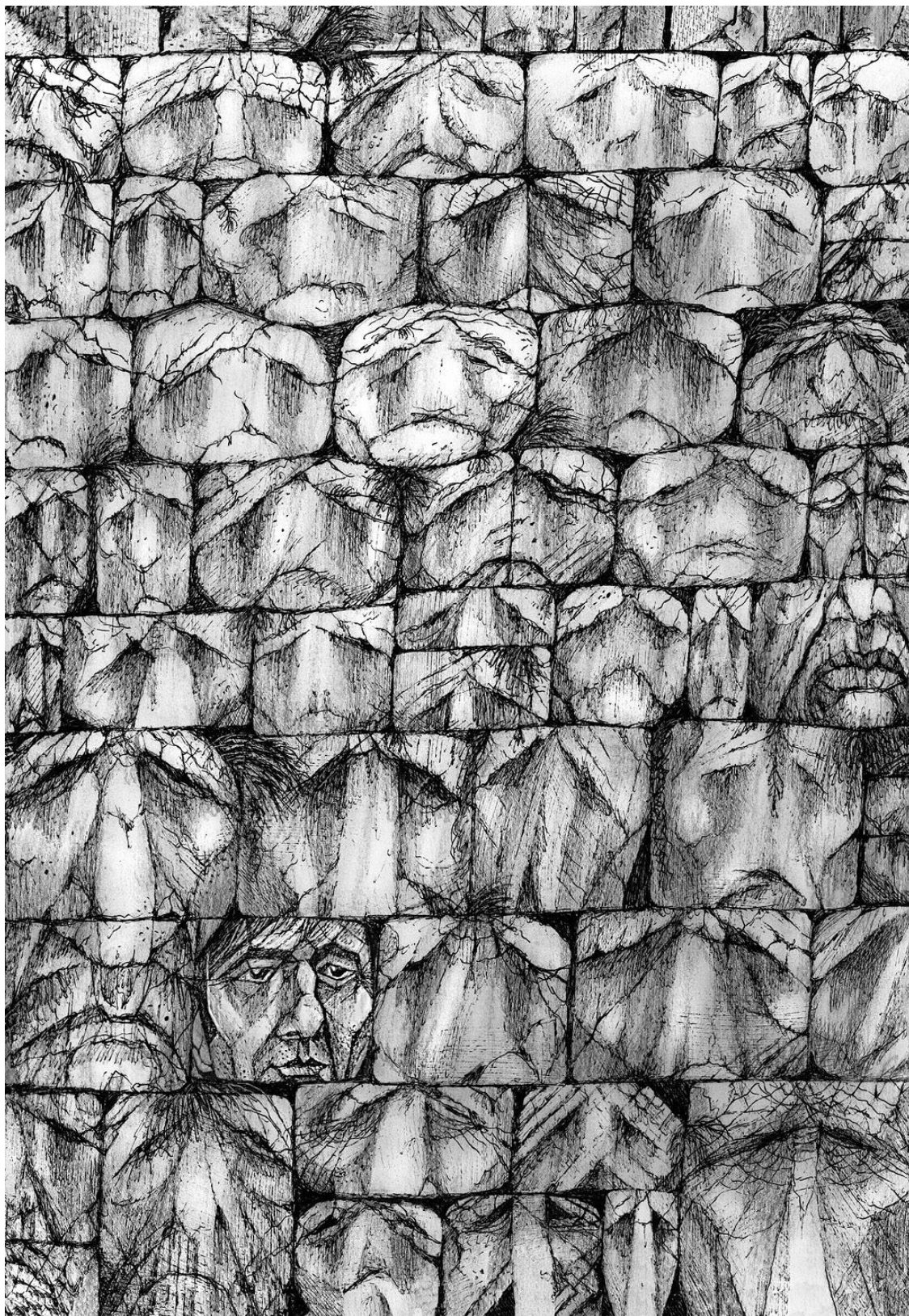
Разумеется, письма к Богу читать было строго запрещено. И разумеется, я стал их читать. Я ведь русский человек, хотя и еврей. Ничего нового и хорошего про человечество не почерпнул. Семьдесят процентов людей – и евреев и неевреев – просили у тебя, чтобы у начальника нашли СПИД и чтобы умерла скорее тетка и наследство оставила. В некоторых случаях должен был умереть дядька, а не тетка. Одни просили, чтобы «Барселона» выиграла Лигу чемпионов, а «Манчестер Юнайтед» – нет. Другие – наоборот. Ну и классика: сделай так, чтобы Машка (Смадар, вон та с сиськами, Мванаджумба) дала мне в среду. В общем, я скоро прекратил читать эти письма. Ты, насколько я понимаю, тоже их не читаешь. Ты – это Бог. Ну, если ты вообще есть. Ну а то, что пошло наперекосяк в бабушкиной квартире в Москве – я про мою жизнь, – продолжало идти наперекосяк. Даже как-то еще больше наперекосяк. Хотя куда уж больше. И Даша по-прежнему не брала трубку. А потом я прочитал письмо к Богу от семилетнего мальчика. Алекса. Я случайно это письмо прочитал. Ну или наперекосяк. И так же случайно ответил. Наперекосяк как-то ответил. А потом ответил еще на одно письмо. И еще на одно. И еще. И все пошло еще больше наперекосяк.

Все, даже то, что пошло наперекосяк, возвращается на круги своя. И я тоже вернулся. В бабушкину квартиру на Соколе. Прошло десять лет. Что-то получилось. Еще больше случилось. А через четыре часа и сорок одну минуту меня убьют. Даже нет – уже через четыре часа и сорок минут. С этого отчета и начинается белая книга романа. К концу ее жить мне осталось два часа и пятьдесят одну с половиной минуты, но я – я это абонент номера 8-925-170-73-10 – продолжу свою исповедь в черной книге, а потом в красной. Исповедь прерывать не принято, но эту – можно. Можно послушать музыку, покурить, выпить чаю, еще лучше не чаю и снова вернуться к роману.

Мир – это кем-то рассказанная история. Я расскажу вам свою. Истории обладают магической силой. Услышанные – они начинают жить. Текст, который никто не прочитал, – его даже написанным считать нельзя. А Бог, в которого никто не верит, – его и Богом считать нельзя. Вот кто бы вообще узнал о тебе, если бы евреям не взбрело в голову написать Ветхий Завет? Ты – это Бог. Если ты, конечно, вообще есть.

Ну а я – тот я, который автор романа «Бог, которого не было», – напоминаю вам, что издательство платит мне от проданных книг.

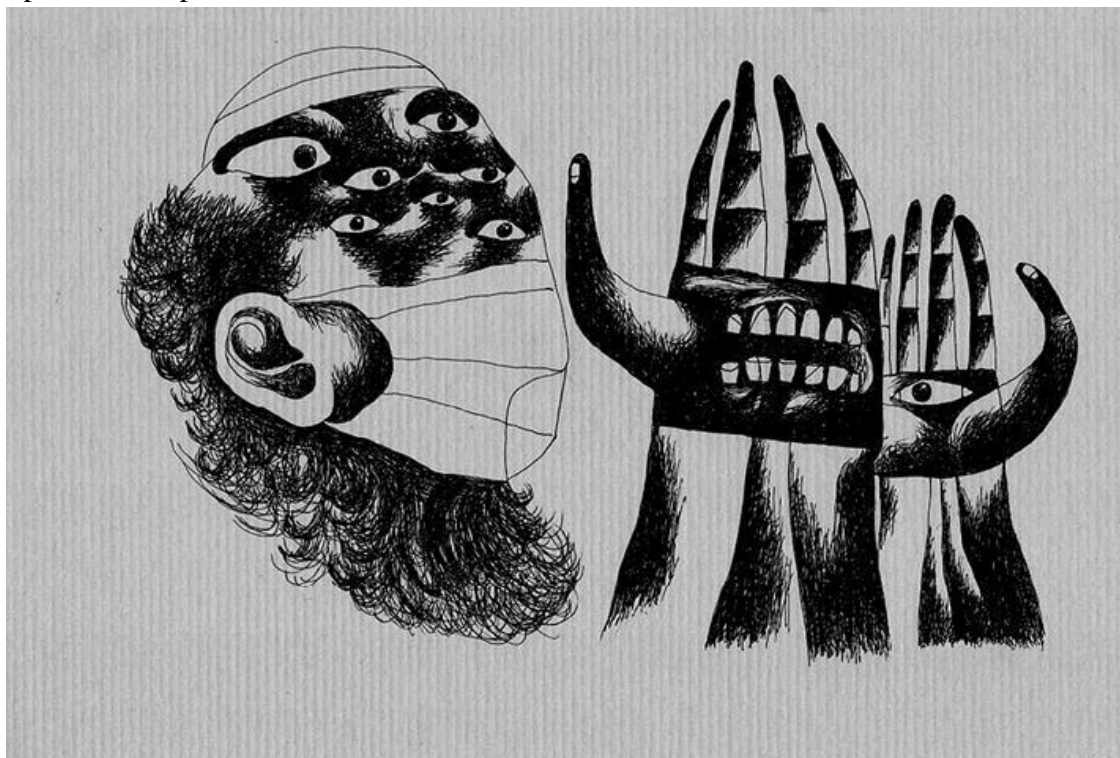
*Светлой памяти моего папы – Френкеля Рафаила Шаевича,
лучшего человека на Земле*

Русские магазины в Израиле – это порталы. Порталы, куда ты попадаешь – ну, там колбасы купить некошерной, а может, ирисок: «Кис-кис» или «Золотой ключик», правда, «Ключик» не всегда в наличии: он вкуснее и его быстрее разбирают; а еще бывает, ну вот как у меня например, что тебя кактус послал пустые бутылки сдать; хотя, может быть, это вовсе и не кактус был, а бабушка; правда, бабушка моя давно умерла, но ведь бабушка остается бабушкой, даже если она умерла, – это все знают; а вот что случится, когда ты попадешь в этот портал, – никто не знает. Ну потому что это портал. Как в кино, только настоящий. В моем портале, ну в том русском магазине, куда я зашел, волоча два пакета с пустыми бутылками, – за кассой сидел ты. Ты – это Бог. Очереди к тебе не было, а ты сидел за кассой и скучал. Ну потому что очереди к тебе не было. Меня это почему-то не удивило. И то, что к тебе очереди не было, – не удивило и то, что ты скучал, – не удивило. Я подошел и взгромоздил пакеты с пустой посудой на прилавок.

Сто пять шекелей двадцать девять агорот

Сдача посуды похожа на исповедь. Смертные грехи – гнев, блуд, зависть, «Карлсберг», «Макаби», «Голдстар» и «Туборг» принимают по шекелю; когда молящийся упоминает какой-либо конкретный грех, он должен ударить себя кулаком в грудь против сердца; словом и делом и в помыслах; нет таких грехов, которых Бог не мог бы простить, но если на бутылке есть сколы, она не принимается; по тридцать агорот учитываются прегрешения и железные банки, а также любые бутылки, не упомянутые выше, – да кому я рассказываю, ведь тебе известно все скрытое и открытое.

Ты сидишь за кассой и пробиваешь чеки. Я стою перед тобой, сосуд полный стыда и позора, с двумя пакетами, там есть бутылки по шекелю и по тридцать агорот, а больше у меня ничего нет; я все проебал, я знаю, что сквернословие это грех, но я все проебал; все началось, когда мне исполнилось двадцать, и я был на десять лет счастливее, чем сейчас, а потом все пошло наперекосяк из-за любви, падал теплый снег, и станцию метро «Телецентр» еще не построили, а врач скорой помощи Костя Парфенов сказал, что мы все когда-нибудь умрем, и что еще хуже, я так и не успел сказать папе, что я люблю его; а потом была черно-белая рябь, и я не пошел на похороны своей бабушки, но я бы и на свои похороны тогда не пошел; и был Моцарт – Соната № 11 часть третья, *Rondo alla turca*, и пришла Даша, и сказала Даша: «Может, ты перестанешь трахать мне мозги и трахнешь меня по-настоящему», и я трахнул, а потом трахнул еще раз и хотел трахнуть третий раз, но уснул; а потом был рай, много дней был рай и оргазм на репите, но в каждом раю происходит одно и то же: кто-то кусает яблоко, и все летит к чертям, я не знаю, кто сожрал это яблоко, но все действительно полетело к чертям; потом я пытался забыть Дашу и даже вызвал проститутку, в газете было сказано, что с нашими девочками вы сможете забыть обо всем, а я хотел забыть обо всем, но сначала пришел ты, хотя я тебя не звал, ты – это Бог, и ты был похож на Кита Ричардса с обложки *Crosseyed Heart*, только без рок-н-ролла в глазах, а еще без бороды, но фенечки такие же, как у Кита, и ты сказал, что у тебя от нас изжога, а я дал тебе маалокс, правда, у меня были только таблетки, а суспензии, как

ты хотел, не было, а еще ты гнал на всех людей, а на Ницше особенно, и заявил, что ты не умер, а просто послал всех нас на хуй, я тогда еще не знал, что ты ругаешься матом, но ты послал нас на хуй и ушел; а еще ты весь мой ликер выпил, но это еще ладно, спиртное можно купить, есть даже круглосуточные магазины, где можно купить спиртное и даже получше, чем тот ликер, а вот что делать с тем, что ты послал всех нас на хуй, я не знаю; а потом пришла проститутка, которую я вызвал еще до тебя, ну то есть тебя-то я как раз не звал, ты сам пришел, а проститутку звал, потому что я хотел забыть обо всем, вот она и пришла, и звали ее Снежана, и она была хороша, и я рассказал ей все, ну, про бабушку, про Моцарта и про Дашу, а проститутка сказала мне, что там, где справедливость, там нет любви и что так сказано в Писании, это была очень набожная проститутка, а потом она ушла, потому что у меня кончились деньги; а потом убили моего босса – хозяина «Сисек», где я играл на рояле, кабак на самом деле назывался «Твин Пикс», но все его звали «Сиськи», и я там играл на рояле, потому что ничего больше не умел, я и сейчас ничего больше не умею, разве что отвечать на письма к тебе, но это не грех: я про ответы на письма – ты мне сам дал разрешение официально и все такое, хотя я не про это хотел сказать, а про то, что босса своего я не убивал, ну, если ты вдруг не знаешь, я просто на рояле играл, когда его убили, меня и в полиции допрашивали полицейские, эти еще смеялись над ним, ну, над боссом, потому что тот мог трахаться только под *Feelings*, ну вот как раз я играл эту самую *Feelings*, когда его убили, и, кстати, я больше никогда не играл ее, хотя это и не грех, ну это я так думаю, что не грех, тебе виднее, конечно, но есть мелодии значительно хуже, ну вот, к примеру, *Cherish* Мадонны или абсолютно любая вещь Принса, но я вообще не об этом, прости, я просто впервые в жизни исповедуюсь, это меня кактус твой заставил, хотя нет, один раз я исповедовался проститутке, ну, той набожной Снежане, которая сказала, что там, где справедливость, там нет любви, а тебе я впервые душу изливаю, странно, откуда у меня эта бутылка, не помню, чтобы я пил виски этой марки, прости, я снова не о том; так вот о том – потом мы хоронили босса и не плакали, потому что шел дождь и можно было совершенно спокойно не плакать, как ты говоришь, официально и все такое, а плакал я уже потом, вернее, сильно потом, когда сидел на лавочке и оплакивал все, что проебал, а про проебал я уже говорил, прости; в общем, потом был Окуджава, не сам Булат Шалвович, а его пластинка, и родственница Тефали, моей учительницы музыки, которая, оказывается, умерла, все мы когда-нибудь умрем, так говорил врач скорой помощи Костя Парфенов, так вот, родственница Тефали, похожая на мышь, сказала мне на поминках, чтобы я уезжал, потому что меня уже в России ничего не держит, а меня и правда ничего не держало, и я уехал в Израиль, на иврите это называется совершил алию, а Израиль – это место, где ты выходишь из душа и не понимаешь: ты уже вспотел или еще не высох, а бойлеры на крышах домов тянутся тфилинами к Богу, и там есть семь или даже больше голгоф, но нет Даши, а, да, забыл сказать, что у этой родственницы Тефали, похожей на моль, были зеленые глаза, как у бога Булата Окуджавы, не знаю, зачем я тебе это рассказываю, но мне кажется, это важно; а потом был пятидесятидвухгерцевый кит и одиночество Джона Скофилда, но Джо Лавано заиграл соло на саксофоне, и я нашел работу на твоей почте, мне надо было распечатывать и сортировать письма к тебе, потому что мальчики налево, а девочки направо, в религии у тебя все как в пионерлагере, в общем, я распечатывал и сортировал письма к тебе, а потом я начал читать эти письма, хотя этого было делать нельзя, а еще потом я начал отвечать на эти письма, а этого делать было тем более нельзя, но ты разрешил мне это делать официально и все такое, ну я говорил уже, да ты сам, наверное, помнишь, хотя это все было сильно потом, сначала Даша написала тебе письмо, и я на пять минут прям поверил в тебя, но конверт было пустой, а я не смог найти письмо в пустом конверте и прочесть, и наступила тишина Чета Бейкера, и я тогда пошел в бар «Réga», а потом стал играть каждый вечер на черно-белом рояле в этом баре, ну потому что а что я еще мог сделать после того, как не смог найти письмо в пустом конверте и прочесть; а потом был Джим Моррисон, ну, не сам Джим, а электрическое одеяло фирмы *Beurer*, про-

сто я его звал Джимом Моррисоном, а потом Джим умер, и в Иерусалиме пошел снег, а ты пришел и принес кактус в горшке, на горшке была наклейка **מבצע 1/2 מחיר**, а ты сказал, что кактус скоро зацветет, но это неправда, потому, что кактус был искусственный, не понимаю, почему ты соврал, но помню, что пути твои неисповедимы, я это не сразу заметил – я про кактус, а не про тебя, в общем, я пошел на Масличную гору, чтобы похоронить там Моррисона, там захоронены еврейские пророки, и туда когда-нибудь придет Мессия, и начнется воскрешение мертвых, но перед этим мы зашли с Джимом в «Регу», потому что нельзя хоронить Джима Моррисона без его любимого «Чиваса», вообще никого нельзя хоронить без «Чиваса», а уж Джима Моррисона тем более; в общем, мы прошли все четырнадцать остановок *Via Dolorosa* Джима Моррисона, а на одной из них, у Стены Плача, мы познакомились с двухметровым Ильей, и он позвал нас на вечер памяти Цоя, а Моррисон заявил, что Цой жив, и сплюнул прямо на ботинок двухметровому Илье, но мы все равно пошли туда, и Цой действительно был жив, и его темно-синий «Москвич 2141» с разбитым бампером стоял рядом с «Голубой леди» Моррисона – спортивным *Ford Mustang Shelby GT 500*, а иерусалимский гаишник выписал им каждому штраф за парковку в неположенном месте – сто шекелей Цою и сто шекелей Моррисону; а потом Джим хотел подарить Илье свой *Ford Mustang*, но Илья не взял, не потому, что тогда надо было платить сто шекелей штрафа, а потому, что про пачку сигарет Цой пел, а про *Mustang* нет, и тогда Моррисон отдал Илье свои сигареты, а значит, все не так уж плохо, ну, по крайней мере на сегодняшний день, хотя какое там в пизду «не так уж плохо», если ты идешь хоронить своего Джима Моррисона, прости за слово «пизда», но по-другому не скажешь; мы, кстати, потом не шли, а ехали на троллейбусе, хотя троллейбусов в Иерусалиме вообще нет, но это был троллейбус, который шел на восток, и он ехал по висячим мостам, которые придумал Булгаков специально для таких случаев, троллейбус привез нас к подножью Масличной горы, к высеченной в скале гробнице Авессалома, и это была последняя остановка на моррисоновской *Via Dolorosa*, именно там Джим Моррисон в последний раз пел *The End*, и пел так, что пророки и герои Израиля встали из своих могил и пытались пробиться в танц-зону поближе к Джиму, а потом мы все пели «перемен требуют наши сердца», мы – это Джим, Цой, Шай Агнон, пророки Малахия, Захария и Хаггай, а Джим требовал, чтобы зажгли огонь, и я протянул ему зажигалку, это была белая зажигалка *Bic*, ну та, из этой сказочки «Проклятие белой зажигалки», а может, это и не сказочка вовсе, потому что над Масличной горой взошла звезда по имени Шемеш; а потом было время «без десяти семь» Дали, и я прожил в этом времени больше года, а больше мне сказать об этом нечего; а потом это «без десяти семь» вскрикнуло и сломалось, а ровно через двадцать девять секунд «без десяти семь» умерло; «без десяти семь» умерло от потери секунд, потому что с двадцать девятой секунды по девяносто четвертую на видеозаписи клипа была Даша, и она улыбалась, этот клип мне принес Илья, и на нем с двадцать девятой секунды по девяносто четвертую – была Даша, и эти цифры зубилом выбиты на моих зрачках; а потом я искал Дашу на улице Бен-Йехуда, улице шириною в сон, и я до сих пор не понимаю, почему ты меня не убил там, в кафе, ты – это Бог, ты убил там девочку, трахавшуюся со своим тренером по фитнесу, и мальчика, не вовремя признавшегося в любви другой девочке, которую ты тоже убил, а еще человека, пробовавшего в Китае рисовое вино, настоящее на членах тюленей и каннских собак, я не знал, что бывают каннские собаки и что бывает вино, настоящее на членах этих каннских собак, а тот человек знал, но ты убил его, а еще ты убил официантку, никогда не слышавшую о таком вине, ты многих там убил, и я не понимаю, почему ты убил их, но не убил там меня, а Стиви Уандер начал заикаться из-за тебя, ну потому что слепой Стиви Уандер видел, как ты там всех убил; вот тогда я и ответил вместо тебя на письмо шестилетнего мальчика Алекса, у которого мама плакала из-за порванных колготок, ну потому что ты же не отвечаешь на письма, ты их даже не читаешь, и вообще про колготки – это Алекс написал, ну потому что ему было всего

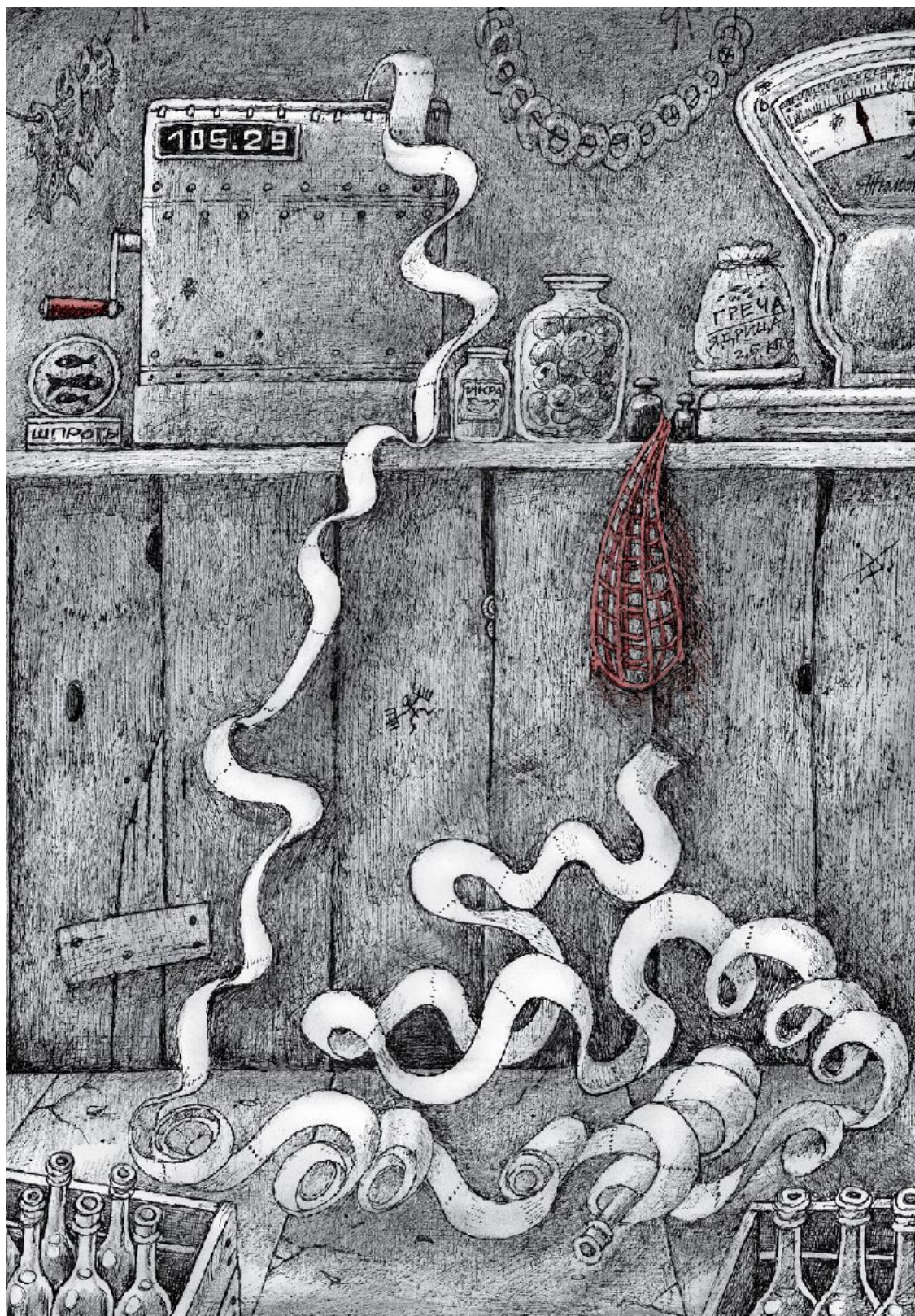
шесть лет, а на самом деле мама Алекса плакала не из-за колготок, а из-за того, что ты не отвечаешь на мольбы к тебе, и еще потому, что отец Алекса умер от рака и открыл на небе магазин компакт-дисков прямо напротив школы для ангелов, но про школу и магазин напротив школы для ангелов я узнал потом, когда слетал вместо тебя в Прагу; а письмо от Алекса я прочитал в машине «Маген Давид», мы сдавали тебе кровь, потому что тебе нужна была доза, мы сдавали кровь в машине «Маген Давид», и высохший старик с выбитыми цифрами на руках тоже сдавал кровь, а Барбра Стрейзанд пела «Авину Малькейну», но я понял, что не дам тебе дозу, и вместо этого полетел в Прагу к Алексу, потому что Алекс был моим первым, а как говорила верующая в тебя проститутка Снежана, девочки никогда не забывают своего первого, это как первородный грех, про который ты постоянно нам твердишь, а рыжеволосая мама Алекса сразу поняла, что я это не ты, но не потому, что я продул Алексу в плейстейшен, а потому, что Богу она бы ни за что не дала, а меня звала зайти попозже, когда Алекс уснет, но я не стал этого делать, хотя мама Алекса была очень красивой и у меня моментально встал, когда она прижалась ко мне грудью, но я улетел обратно в Израиль, а над небом Праги летали выпущенные нами с Алексом божьи коровки; а еще я все время думал про тебя, ну, не про тебя, конечно, но я думал, трахнул бы ты рыжеволосую маму Алекса или нет, ну хорошо, не хочешь, не отвечай, я так и знал, что ты не ответишь, и дело тут не в маме Алекса, ты вообще никогда не отвечаешь, по крайней мере, по действительно важным вопросам, ну да бог с тобой; а дальше мне пришлось несладко, потому что банк «Апоалим» не дал мне минус, а все деньги я потратил в Праге, чтобы заплатить сантехнику, похожему на Мика Джаггера, чтобы он починил унитаз рыжеволосой маме Алекса, потому что Алекс верил в тебя и верил, что я это ты, и было бы неправильно, если б верующий в тебя Алекс увидел, что Бог не может совершить чуда и починить унитаз, а когда банк «Апоалим» не разрешил мне минус, я две недели завтракал, обедал и ужинал вечером в баре, пока не получил зарплату на твоей почте, а еще около банка «Апоалим» на улице Бен-Йехуда гарвардский профессор Авраам пел, что ты устал нас любить, ну это я звал его Авраам, на самом деле его звали Чарльз Уотсон, в общем, этот Чарльз-Авраам расшифровал твое послание в человеческом ДНК, но ему не поверили и выгнали из Гарварда, и в Израиле ему тоже не поверили, и он наливал себе водку в футляр от пенсне и пел, что Бог устал нас любить, но я думаю, что ты нас никогда и не любил; а еще мы с тобой и твоим вторым встретились потом на лавочке перед моим домом, напились и пели *Goodbye yellow brick road* Элтона Джона и Берни Топина, а потом напились еще больше и пели «Только мы с конем», а моя соседка сверху вызвала миштору, и я, кстати, до сих пор не могу понять, кто из вас двоих фальшивит; а потом был прозрачный коньяк *Godet Antartica*, который принес Илья, а еще он принес исходники того видео с Дашей, и на них Даша сказала: встретимся в лифте, а Майлз Дэвис играл на трубе, потому что, когда кто-то кого-то ждет или кто-то кого-то ищет, всегда играет Майлз Дэвис; а потом лифт почему-то привез меня в Питер, а Питер, он как секс, нет, Питер, он как сигарета после секса, одна на двоих, нежнее, чем секс, нужнее, чем секс, и мы справляли мой день рождения в «Сайгоне», которого уже давно нет, а потом мы пили на квартире, и там были Чума, Куссуль, Магдич и еще целая куча людей, которые давно уже умерли, но они были живы и пили за мое здоровье, и я чувствовал их тепло, потому что свет ушедшей звезды все еще свет; а потом был нерусский снег, на который ссал негр, и это было в Нью-Йорке, и это было 19.02.1972 – лифт привез меня в Нью-Йорк этого дня, а в этот день в клубе *Slug's* убили великого Ли Моргана; и я видел это и видел, как бесконечность стала вечностью; а потом лифт привез меня в место, где не было ничего, кроме песка, а еще там были ты и твой второй, вы сидели на песке, а за вами стояла дверь, совершенно непонятно, как она стояла на этом песке, но она там стояла, и ты тогда разрешил мне отвечать на письма к тебе – официально и все такое, хотя я и не спрашивал; правда, сначала ты сказал, что это хуцпа, но все равно разрешил, а потом в лифте я кровью подписал это самое официально и все такое, ну не кровью, конечно, просто ключом на стенке лифта нацарапал ОК; а еще вы – ты и

твой второй – подарили мне кофеварку фирмы *Bosh*, но я оставил ее на лавочке, потому что печи, в которых сжигали евреев, были *Siemens*, *Krupp* или *Bosh*, это сказала моя соседка сверху, а она знала про это все – у нее на руках были цифры, такие же, как у моей бабушки и как у деда Ильи, и я оставил твою кофеварку на скамейке, а мы с Ильей побратались – он выбил у себя на руке цифры моей бабушки, а я цифры его деда, и потом мы с Ильей пили молча, не чокаясь, а с нами пили не чокаясь моя бабушка, дед Ильи и еще миллионы евреев, а кофеварку *Bosh*, которую мы оставили на скамейке, кто-то забрал, еврей скорее всего. Как сказала моя соседка сверху, это называется жизнью; и то, что называется жизнью, продолжалось: была свадьба прыщавого богомола, того, который пел, что все, что нам нужно, это любовь, и который «беспонтовый пирожок», его ты, ну то есть я, познакомил с официанткой Севан и сказал, что это ее «тот самый», и ей нужно только выйти из кафе, завернуть за угол и обрести его, и Севан вышла из кафе, завернула за угол и сказала, что ты сошел с ума, а ты, ну то есть я, объяснил ей про опизденевших – это люди, которые воруют для своих любимых луну с неба, но не успевают ее подарить, потому что пропивают луну раньше, и Севан полюбила опизденевшего прыщавого парня, и он перестал быть прыщавым, так вот родители этой самой Севан рассказали, что сначала переспали, а потом познакомились, ну, это отец рассказал, а мать заявила, что они раздвигали не только ноги, но еще и горизонты, и что все это происходило в Лифте, а Лифта – это такая израильская Шамбала, созданная людьми, не принятыми этой землей, и я понял, что Даша ждала меня в этой Лифте, потому что именно там любой мог найти приют, откровение и смерть; а Леонард Коэн пел «танцуй со мной до конца любви», и ты и твой второй играли в четыре руки на рояле, и я бежал в Лифту, но я опоздал, как опоздал когда-то в прошлой жизни в Москве, когда станцию «Телецентр» еще не построили и падал теплый снег, – в Лифте Даши уже не было, и снега тоже не было, зато там на дне древней миквы Брайаном Джонсом лежала луна, а огромные черные вороны кричали «ништяк»; а столетняяаможетпятидесятилетняябосикомивкосичках восьмиклассница Цоя, с которой мы курили Кастанеду, Керуака и Гессе, сказала, что Даша была, но уже ушла, и восьмиклассница не знает, куда ушла Даша, а еще она сказала, что все умерли, и только Цой жив, потому что вовремя умер, а потом столетняяаможетпятидесятилетняябосикомивкосичках восьмиклассница убежала, потому что ровно в десять мама ждет ее домой; а потом мы с тобой и с твоим вторым играли в русскую рулетку, а БГ¹ пел, что рок-н-ролл мертв, и я наверняка тоже был бы мертв, потому что у тебя нельзя выиграть, тем более в русскую рулетку, но меня спас лабрадор, которого звали Экклезиаст, а я решил звать лабрадора Эдик, потому что Экклезиаст слишком пафосно, и мы пошли жить ко мне на Дорот Ришоним, 5, и моя собачья жизнь стала более человеческой, ламповой, ну, знаешь, включаешь такой усилочек, и лампы начинают светиться, а ты видишь, как звук становится теплым; а когда мы с лабрадором слушали *Equinox* Колтрейна, он сказал, что любой человек причиняет другому боль, просто надо найти того, кто стоит этой боли, а про тебя он сказал, что ты – как «Вана Хойа» на альбоме «Равноденствие», выпущенном «Мелодией»: на конверте в списке песен «Вана Хойа» была, а на самой пластинке нет; ну лабрадор Экклезиаст вообще был очень умным человеком; да, забыл еще про один грех: мы с Моцартом, ну, тот, который Соната № 11, часть третья, *Rondo alla turca*, встретились и пили sake, не знаю, почему sake, я его сроду не пил, Моцарт спросил, есть ли у меня сад, мол, японцы говорят, что человек таков, каков его сад, и я показал ему свой искусственный кактус, тот, который ты принес, когда умер Джим Моррисон, и Моцарт ржал, в общем, он неплохой парень оказался, этот Моцарт, и мы с ним договорились встретиться в следующем году в Иерусалиме; а потом мне позвонила Даша, но я не слышал звонок, я спал, и это мой самый смертный грех из всех смертных грехов, и я себе этого никогда не прощу, и тебе тоже не прощу, хотя я ни разу не слышал, чтобы ты просил извинения за свои грехи; а меня ты, конечно, за этот грех наказал, и наказал по полной: когда я

¹ Выполняет функции иноагента. – Здесь и далее прим. ред.

перезвонил Даше, она не взяла трубку – автоответчик, проклятый автоответчик, вновь и вновь: перезвоните позже или оставьте сообщение перезвоните позже или оставьте сообщение перезвоните позже или оставьте сообщение; забыл совсем похвастаться, ну то есть покаяться, я ведь с этим автоответчиком переспал, нет, не так – я его трахнул, ну, не автоответчик, конечно, а женщину, которая записывала эти самые проклятые «перезвоните позже или оставьте сообщение»; не помню точно, как это было, да и было ли вообще, я играл на своем черно-белом рояле в баре, она взяла меня за руку и отвела к себе в гостиницу, а я сказал, что у нее очень знакомый голос, и она ответила, что это голос мобильного оператора – перезвоните позже или оставьте сообщение, я столько раз орал на это «перезвоните позже или оставьте сообщение», столько раз умолял это «перезвоните позже или оставьте сообщение», а в этот раз я просто трахнул это «перезвоните позже или оставьте сообщение», но это не помогло, Даша не брала трубку, перезвоните позже или оставьте сообщение перезвоните позже или оставьте сообщение; а писем к тебе становилось все больше и больше, потому что прошел слух, что Бог есть и он отвечает на письма к нему, и началась настоящая эпидемия Бога, люди заражались этим вирусом и начинали верить в тебя, и чтобы окончательно уверовать в тебя, писали все новые и новые письма, и я отвечал на них; а потом меня призвали в армию, израильская армия называется ЦАХАЛ, и если есть что-то святое для израильтян, кроме хумуса, то это как раз ЦАХАЛ, и на проводах напились все, даже мой босс Мордехай, а лабрадор Эдик молчал, закутавшись в свою грусть, и постепенно все тоже замолчали, вслушиваясь в слова Экклезиаста, которых он не говорил; а в армии сержантом служил маленький бог без сисек Светлана Гельфанд, она была нашим мефакедет, у нее были глаза цвета теплой водки, и она часто повторяла «ой, то есть блядь», и это было правда, потому что все, что происходило, было ой, то есть блядь; в этом твоём мире вообще все ой, то есть блядь; а еще в одной палатке со мной жили евреи: русский еврей Поллак, марокканский еврей Иона и верующий в тебя еврей Ицхак; верующего в тебя еврея Ицхака выгнали из верующей в тебя общины за то, что он верил в тебя не так, как надо, и хуже того – он как-то поставил в иешиве диск *Magma* и сказал, что это Тора на кобайском, вот тогда его и выгнали, как будто он не правоверный еврей, а какой-то там Дэйв Мастейн, которого выгнали из «Металлики» за пьянство, и тогда Ицхак пошел в армию, потому что он не знал, куда еще идти, а полетов на планету Кобайя еще не было, ну потому что планеты Кобайя не существует; русский еврей Поллак развозил ночью проституток, чтобы заработать на обучение в университете, но однажды одна из девушек с грудью четвертого размера и самыми добрыми в мире глазами, прежде чем подняться к клиенту, решила задачу, которую он никак не мог решить, и Поллак бросил развозить проституток, и университет тоже бросил, и пошел в армию; марокканский еврей пошел в армию, потому что надеялся устроиться на работу в ирию, а без службы в ЦАХАЛ нельзя устроиться на работу в ирию; а я пошел в армию, потому что Даша не брала трубку, нет, я, конечно, повестку получил, но в армию я пошел не потому, что получил повестку, а потому, что Даша не брала трубку; а маленький бог без сисек учил нас, здоровенных парней, как выживать в мире, который неправильно придумал Бог большой, но это очень трудно – выживать в неправильно придуманном тобой мире, и тот, кого любил маленький бог без сисек, тот, с которым она гуляла по трамвайным рельсам и с которым запланировала внуков, так вот, его убили, а маленький бог заплакала свои глаза, и они стали безалкогольными; получается, ты не только убил любимого маленького бога без сисек, ты еще и убил всех запланированных внуков маленького бога без сисек; а потом наступил шабат, а в израильской армии отпускают солдат на шабат домой, а у верующего в тебя Ицхака не было дома, вернее, он был, но его там не ждали, потому что Ицхак неправильно верил в тебя, и я позвал его к себе, и мы пошли в «Регу», и там Ицхак обрел истинную Веру, и они с Верой трахались в моей квартире как сумасшедшие, а я сидел на лавочке перед своим домом с двумя М-16, моим и Ицхака, и звонил Даше: оставьте сообщение, перезвоните позже, а жизнь иногда выглядит так, как будто сценарий к ней писали братья Коэны и снимали они же, вот такая у нас была жизнь; а в Корее

альбом «Кино» «Это не любовь» был выпущен под названием «Это Не Иювь», а Даша не отвечала, а Ицхак с Верой продолжали трахаться, и если это не иювь, то я не знаю, что такое иювь; а потом мы вернулись в армию и фильм братьев Коэнов превратился в сериал братьев Коэнов, и был кросс, и был Моцарт, Соната № 11, часть третья, *Rondo alla turca*, это араб взорвал бомбу, он хотел убить нас и убил бы, но сержант Армии обороны Израиля спасла всех, накрыв бомбу своим телом, а Моцарт, услышав взрыв, замолчал; ой, сказала маленький бог без сисек, а увидев кровь, поправилась – то есть блядь; саундтреком к смерти играл БГ кровью на песке, все люди братья, а маленькая девочка Света посмотрела безалкогольными глазами куда-то вверх, и они вдруг стали прежнего цвета теплой водки, и если бы ты не спрятался, то мог бы прочитать в глазах маленького бога просьбу к Богу большому: просто посмотри мне в глаза и скажи, что это воля твоя; но ты, Бог большой, не осмелился тогда посмотреть в глаза маленького бога, ты даже мне в глаза сейчас не смотришь, а рассматриваешь бутылки, которые я принес сдавать, я смотрю, куда смотришь ты, и узнаю эти бутылки от сломанной водки, мы поминали этой водкой маленького бога, тогда в мире сломалось все – сначала хамсин, потом время, потом сломанное время срослось неправильно и пришлось ломать заново, и водка тоже сломалась, сломалось все, кроме нас: русского еврея Поллака, марокканского еврея Ионы и верующего в тебя еврея Ицхака, – мы поминали маленького бога по-русски: молча, остервенело, не чокаясь, вернее, Ицхак сидел в одиночной камере за то, что убил араба, который убил нашего маленького бога, но он был с нами; а ты и твой второй играли нами в крестики-нолики, а еще уговаривали меня вернуться на твою почту, ту, что на Агриппа, 42, – проклятое место, булгаковская Голгофа, а может, не только булгаковская; а вы, ты и твой второй, хотели, чтобы я продолжал отвечать на письма к тебе, и пообещали, что Даша вернется, вернее, сказали, что Дашу только Экклезиаст может найти, тот, который лабрадор, а еще ты сказал, что у тебя нет ничего святого, а твой второй подтвердил, что нет и не может быть, и у него, ну, у твоего второго, тоже нет и не может быть ничего святого, а Эдик сказал, что найдет Дашу, если у меня сохранилась какая-то вещь с ее запахом, и я дал ему майку, ту, которая была на Даше в то счастливое утро десять лет назад, – ту, с надписью «Лучше не будет», и мы обнялись с лабрадором, и он ушел...

«Сто пять шекелей двадцать девять агорот», – обрываешь ты мою исповедь. И отсчитываешь. Сотню бумажкой, а остальное – монетками. Сначала пятишекелевую монетку, а потом двадцать девять монеток с галерой, номиналом в одну агору. Да и еще тщательно пересчитываешь эти двадцать девять монеток, чтобы, не дай бог, не ошибиться. Я даже сначала испугался, что ты заставишь и меня пересчитать. Но ты молчал, и я сгреб мелочь себе в карман. Ну вот – и подоконник очистил, и душу.

Перекур

После исповеди хочется курить. Мы с тобой стояли, обессиленные, прислонившись к стене магазина, и курили. Не смотрели друг на друга. Заговорить было не нужно, говорить было не о чем.

Напротив магазина находилась автобусная остановка. На электронном табло бежали строчки:

хотелось сесть в автобус, который прибудет через пять минут и умереть; еврейские буквы сменились арабской вязью:

האוטובוס הבא יגיע בעוד חמש דקות;
من تتصل الحافلة التالية في غضون خمس دقائق

умереть захотелось еще больше; вдруг появилась кириллица. С непривычки электроника не справлялась с русскими буквами, они спотыкались, затем дыхание электронной строки выровнялось и бег стал ровным:

*Перекури страх
Перекури смех
Перекури крик
Перекури боль*

Ивритские буквы сбили кириллицу с ритма:

האוטובוס הבא יגיע בעוד 4 דקות

Через затяжку бег продолжился:

*Перекури стыд
Перекури ад
Перекури отчаяние
Перекури молчание
الحافلة القادمة ستصل خلال ثلث دقائق
Вкури этот самый миг
С дымом вдохни тепло
Пойми: это всё – говно
Вкури, что и ты – говно
האוטובוס הבא יגיע בעוד 3 דקות
Перекури себя
Перекури ее
Перекури все
Перекури всех
الحافلة القادمة ستصل خلال دقيقة
Перекури смерть
И забывчуй жизнь*

Ты стоял рядом, курил и внимательно читал появляющиеся буквы. Так, как будто не ты их написал. Хотя, может, и не ты. Может, это твой второй. Или кто-то в Эгеде баловался. А потом табло погасло, а автобус так и не пришел. Это было странно. Эгедовские автобусы всегда ходят точно по расписанию. Но он не пришел.

Куда бы ты ни уехал – ты всегда берешь с собой себя

Потом я пришел к себе, но в себя так и не пришел и рассказал обо всем кактусу.

– Все-таки не нравится он мне, – скривился кактус, выслушав мой рассказ.

– Кто?

– Да Бог этот твой, – кактус колючкой вычищал у себя грязь под ногтями. Ну то есть он что-то такое делал, что выглядело, как будто он колючкой вычищал у себя грязь под ногтями. – У таких, как он... – Кактус тщательно осмотрел ногти на руке, удовлетворенно кивнул и только тогда закончил фразу: – Есть внутри что-то вроде смерти. – Он испытующе посмотрел на меня и спрятал руку в карман. Ну так это выглядело: как будто кактус испытующе посмотрел на меня и спрятал руку в карман. – Ты бы держался от него подальше, – вновь включил бабушку кактус.

– Угу. И шапку надень и шарф, – проворчал я, но старался и в самом деле впредь держаться от тебя подальше. По крайней мере, в тот русский магазин на улице Гилель, 17, никогда больше не ходил.

А в израильском супере, куда я зашел как-то после работы, меня вдруг окликнул женский голос:

– И вы здесь?

Я обернулся и всмотрелся в типично русские черты, сквозь которые уже начал пробиваться Израиль. Мошь – та самая сестра умершей Тефали, моей учительницы музыки. Зеленые глаза бога Окуджавы замаскированы очками в модной израильской оправе. Ну как модной – безвкусной.

– Здравствуйте.

– Шалом, мотек!

Оказалось, что Мошь живет по соседству со мной, и я помог ей донести продукты до квартиры. Очень хотел уйти сразу, но не получилось. Мошь рассказала, что она тут уже почти четыре года и что ей все нравится. Что только в конце жизни, в Израиле, она поняла, что жить надо, как израильтяне: никуда не спешить, совланут и беседер, беседер и совланут, не то что там, – и что она впервые не выживает, не решает проблемы, она – «осе хаим». «Оса хаим», – автоматически поправил я ее. Мошь на секунду задумалась, но тут же снова встряхнулась: а вы знаете, что улыбка на иврите будет «хийух»? И рассмеялась задорно, как девочка.

Потом мы пили чай и вспоминали Тефаль. Печаль делает чай вкуснее. Даже израильский чай «Высоцкий». Мошь рассказала, что до Израиля никогда не была за границей, всю жизнь прожила в Ленинграде, даже в Москву к сестре выбиралась редко. По праздникам, ну и на похороны. Тут ее голос дрогнул; на старой, еще советской люстре повисла пауза. Мошь встала и включила проигрыватель. Аккорд. Такой же, как был на поминках Тефали. А может, и тот самый. Мошь переворачивала пластинки, как переворачивают песочные часы, запуская заново время.

«Когда я вернусь... Ты не смейся, когда я вернусь», – запел Галич, и Мошь заплакала.

– Знаешь, я думала, что если перееду в Израиль, то буду счастлива, – призналась она. – Но куда бы ты ни уехал, ты всегда берешь с собой себя. И все мы – дикобразы. Это у Тарковского, в «Сталкере», – пояснила она в ответ на мой недоуменный взгляд. – Дикобраз молил Зону вернуть брата, а получил кучу денег. И повесился. Потому что дикобразу – дикобразово. – Мошь усмехнулась и сняла наконец свои израильские очки. Глаза были те же – зеленые глаза бога Окуджавы.

«А когда я вернусь?» – снова спросил Галич. «Отсюда не возвращаются», – ответил Сталкер.

Окончательно взленинградило

- Ты уж извини меня, старую, взленинградило меня, – провожая меня, сказала Моль.
- Вовсе вы не старая, – попытался соврать я.
- Сколько тебе?
- Двадцать пять. С половиной. Чуть больше.
- Ну вот. У тебя все еще впереди. А я – старая.

Я так устал, что не хотел идти пешком и поднял руку. Тут же остановился молодой араб на «субару». Белая, с фирменными – родными – стеклами без рам. Я сел на заднее сиденье и закрыл глаза.

«У тебя все впереди», – вспомнился голос Моли.

«Впереди камера на полосе, опасный участок», – поддержал ее на арабском навигатор «субары».

Кажется, я вырубился. Проснулся, когда машина остановилась. То, что было за окном, на Дорот Ришоним никак не походило. Особенно Нева.

– Черт, мосты уже развели. Теперь только через Вантовый, – на чистом русском сказал араб.

Я вышел из машины. Окончательно взленинградило.

Черный пес Петербург

На меня смотрел Питер. В глазах – луна, печаль, Достоевский. Черный пес Петербург лежал на мостовой Мойки и никуда не спешил. Морда на лапах. Я присел рядом и угостил пса кошерной ветчиной, купленной в израильском супере.

– Как тебя зовут? – погладил я пса.

– Ты знаешь.

– Откуда ты?

– Я был здесь всегда.

– В Питере?

– Питер не всегда был Питером. А я был здесь всегда.

Пахло огурцами.

– Корюшка пошла, – объяснил мне пес, – пойдем и мы.

И мы пошли. Неведомая сила – та самая, что, по авторитетному мнению Юза Алешковского, спиздила шинель у Акакия Акакиевича, – вела нас по набережным и каналам.

Мы шли по Питеру, и Вадим Курылёв играл нам на псалтири – то самое соло, что не записалось во время концертов «Черный пес Петербург».

Видели пацана лет шести, который сидел у Исаакia на скамейке и при свете фонаря читал вслух книгу «Как построить скворечник». Причем читал он ее голубям. Потом пацан сказал: «Дальше сами», – положил книгу на скамейку и ушел. И фонарь сразу погас.

Видели, как один обоссанный бомж объяснял другому обоссанному бомжу, почему их не пустили в рюмочную «Угрюмочная»: в этом городе даже Пушкина не приняли в масоны. Ему так и сказали эти масоны: это Питер, детка. Причем «Питер» бомж произносил с ятем – «ПитерЪ». Ну это мы по глупости так с черным псом думали, что с ятем. А то, что это не ять, а ер – это нам питерский бомж объяснил. Обоссанный.

Видели надпись на парапете Грибоедовского: «Вика, если ты вернешься, знай – я тебя люблю и не могу без тебя жить. Рома». Каждая буква в человеческий рост, написано смолой и с соблюдением всех правил пунктуации.

Видели, как в баре «Идиот» человек с лицом только что выловленного карпа спрашивал бармена: скажите, а у вас есть коньяк, который выводит из запоя?

Наверняка где-то рядом Настасья Филипповна жгла в камине деньги, но мы этого не видели.

Зато видели, как за столиком в кафе «Ну вот» парень спрашивал девушку: как затащить тебя в постель? «Поставь Гэри Мура и не делай лишних движений», – отвечала девушка. «Ну вот», – довольно усмехался Гэри Мур.

Видели, как окна квартир башни «У пяти углов» написали светом слово «хуй». Пес сказал, что Вергилий живет на втором этаже этого дома, а Человек из Кемерово и Тайный узбек – на пятом.

Видели в Пассаже сосиски с надписью: «Счастье вам идет». Само счастье продавалось в соседнем отделе, но он был закрыт.

Видели, как Сфинкс на Университетской набережной объяснял питерским котам, что из «любви не выходят живым. Либо мертвым, либо уже бессмертным».

Видели ночь, гуляли всю ночь до утра.

В «Дорогая, я перезвоню» мы не зашли. Без «дорогой» в этом кафе делать нечего. Пес понимал меня без слов. И я его понимал.

В каббале это называется «тикун олам» – духовная починка мира, а Черный пес Петербург говорил, что это ТПХ. Типично питерская хуйня.

В клевоности было клево

А потом мы зашли к Коле Васину. Тому, кто уже умер.

– А смерти нет, – объяснил мне Коля. – Джон живет в монастыре в Италии, а Джордж в индийском ашраме. – И ждут, когда он, Коля Васин, построит храм *Beatles*, чтобы приехать и воссоединиться.

– А где Шевчук? – задал я псу тот вопрос, который давно хотел задать.

– Он давно умер, – сухо ответила собака. – Ну то есть Юрий Юлианович жив-здоров, а вот Юра Шевчук умер.

– Пса Петербурга записал, – Васин кивает на собаку, – а дальше все. Как есть умер.

Потом мы долго говорили о жизни, хотя все понимали, что о смерти. Пили васинский чай с мятой из огромного глиняного чайника.

– Рухнем в клевость, – снова и снова повторял свой любимый тост Коля. И мы рухали снова и снова. В клевоности было клево. Все-таки быть городским сумасшедшим – непростое дело. Так сказал на похоронах Коли протоиерей Скорбященского храма на Шпалерной улице Вячеслав Харинов. Тот самый, что еще в «Равноденствии» «Аквариума» на флейте играл. Да и еще много где играл. Тот самый, что был президентом байкерского клуба. Тогда рок-музыкант, протоиерей и байкер сказал, пересыпая поминальное слово цитатами из битлов на английском: мы говорим об этом блаженстве, об этой глупости, о юродстве как о подвиге. Быть юродивым, быть блаженным – это действительно подвиг. Это была клевая речь.

Если любишь – отпусти

А потом Черный пес Петербург нашел мячик. Обычный, резиновой. Синий с красным. Принес мне его и вложил в руку.

– Ты хочешь поиграть? – удивленно спросил я.

– Нет, я хочу объяснить. Вот вы, люди, думаете, что мы, собаки, любим играть в мячик. Вы кидаете, а мы приносим. Приносим, но не хотим отдавать, и вы вынимаете мячик у нас из пасти. С силой. И вы злитесь: мол, главный принцип игры: если любишь – отпусти.

– Ну да.

– Ты Дашу любишь?

– Ну да.

– Так вот: если ты ее любишь – отпусти.

Я все еще еду в Петушки к любимой девушке

Сине-красный мячик скатился у меня с руки, проскакал по храму битлов, выскочил на улицу. Если любишь – отпусти, сказал мне пес. Но люди глупее собак, и я погнался за мячиком – выбежал на Пушкинскую, свернул на Невский: сотни людей и ни одного мячика. Я остановился и поднял глаза: ресторан «Палкинъ», Невский, 47. Черно-белым флешбэком мой разговор с Бодровым: «Дябли – что это?»

Я подошел к двери. Обливренный апостол Павел пару секунд взвешивал взглядом мои грехи и кредитную историю, но в рай все-таки пропустил. Даже дверь открыл. Фрески на стенах, паркет, свечи в изысканных – по мнению Палкина с твердым знаком – канделябрах, хрустальные люстры. Тяжелые, как та, что ты послал Веничке вместо хереса в ресторане Курского вокзала. Если ты не догнал мячик, да еще не успел похмелиться, а тут тебе на голову люстра...

– Столик бронировали? – Метрдотель оторвал меня от тяжелых, как люстра Курского вокзала, мыслей.

– Нет, я просто еду в Петушки к любимой девушке...

– В Петушки?!

– Я просто дяблей хочу...

– Дяблей?!

– У вас же есть дябли?

– Дябли подаются с крем-супом из белых грибов. Готовится на бульоне с шампанским *Lancelot-Royer Palkin*, черным трюфелем и шнитт-луком.

– Ну вот его. С собой.

– С собой?!

– Да. И дяблей побольше.

Чувствую – сейчас позовет апостола Павла и вышвырнет. Достāju кредитную карточку. Банк «Апоалим». Помогает.

– Присаживайтесь. Может, аперитив? Суп будет готовиться сорок минут.

– Хересу.

– Сухой, купажированный или натуральный?

– Чего?

– Из сухих есть фино, мансанилья и олороса. Купажированный – только крим. Педро хименес и мескатель из натуральных.

– Вымя. Грамм восемьсот.

Суп готовился больше часа. Больше часа мы с люстрой поминали выменем Веничку. Ну, вру, конечно. Вымя, педро хименес и олороса. Давайте почти минутой молчания этот час. И Веничку. И то наше время, когда многие еще хереса не пробовали, а уже знали, что хереса нет. Ни фино, ни крим, ни мескатель.

И знаешь, много хереса утекло с тех пор, а я все еще еду в Петушки к любимой девушке.

Вечно молодой, вечно пьяный

Потом официант принес тщательно упакованный суп и дябли, и я поехал на Лютеранское кладбище. Бодров был на месте. Я протянул пакет, и туда нырнуло его лицо. Вытащил Бодров оттуда свое лицо другим. Совсем другим. Лицо молча закурило, а когда я посмотрел внутрь пакета, мне захотелось выпить. Дябли оказались просто сухарями. Бодров докурил, а потом сказал очень усталым голосом:

– Теперь ты понимаешь, что правда никому не нужна? Сила – она не в деньгах и не в правде. Она – в дядлях.

Бодров размахнулся и выбросил пакет с крем-супом из белых грибов, приготовленным на бульоне с шампанским *Lancelot-Royer Palkin*, черным трюфелем и шнитт-луком. Дябли рассыпались по всему кладбищу.

– Ты спрашивал, почему я умер?

Я молчал.

– Володя, – позвал Бодров.

Откуда-то из-за лютеранских могил появился худой мужик лет пятидесяти, выглядевший лет на сто.

– З-з-з-вал, Д-д-данила? – заикаясь, спросил он Бодрова.

– Ты его знаешь? – Бодров подвел мужика ближе ко мне.

– Нет.

– Володя Бурдин, – улыбнулся золотыми зубами мужик.

Это имя мне ничего не говорило.

– А его никто не знает, – окончательно разозлился Бодров. – «Вечно молодой, вечно пьяный» слышал?

– Конечно.

– А это же его строчка. – Бодров ткнул пальцем в мужика. – И «галлюцинации» эти – тоже его.

– Ну это не совсем так, – начал оправдываться Бурдин.

– Ты один из основателей группы?

Володя кивнул.

– «Вечно молодой, вечно пьяный» – твои слова?

– Ну у меня целая поэма была, и там такой рефрен...

– А знаешь, что самое интересное? – это уже Бодров мне.

Я не знал.

– Знаешь, за что он сел? В первый раз?

Этого я тоже не знал.

– Он украл аппаратуру для «Смысловых галлюцинаций». Ну то есть задумали они спеть ее вместе, но в последний момент Буба отмазался. А этот и еще один сели.

– Молодой был, – улыбается себе молодому Бурдин. – И потом, должны же мы были как-то репетировать.

– Вот с тех пор и репетируешь – по тюрьмам и психушкам. А Буба твой с твоей песней себе имя сделал. Про бабю я вообще молчу.

– Д-д-да у меня песен этих – ц-ц-целый чемодан...

– Да я же не об этом! Я о том, где он сейчас и где ты! И о том, как я типа за правду подценную у тебя песню на экране всяких упырьков косил! А получается, что главный упырок есть. И не за правду я бегал, а за дябли!

– Т-т-так и ты м-м-молодой был, – улыбается Бурдин тому молодому Багрову.

– Молодой, – соглашается Багров и тоже улыбается.

– Д-д-данила, как, ты говоришь, эту х-х-херню зовут? – спрашивает Бурдин, поднимая с земли сухарик.

– Дябли, – смеется Багров.

– А ведь вполне с-с-съедобно, – жует этот самый дябл Бурдин.

– На закусь сойдет. – Данила в свою очередь пробует фирменное блюдо шеф-повара ресторана «Палкинъ».

Оба хохочут. Мне всего двадцать пять, ну хорошо, скоро двадцать шесть, а я чувствую себя безнадежно старым рядом с ними – вечно молодыми и вечно пьяными. Пора уходить.

– Эй, – окликает меня Бодров у самого выхода из кладбища.

Оборачиваюсь.

– Я про Дашу твою. Когда ты ее снова встретишь...

– Если, – перебиваю я.

– Когда, – упрямо повторяет Данила. – Так вот, когда ты ее встретишь – не отпускай больше!

– Н-н-ни за что н-н-не отпускай, – добавляет Володя Бурдин.

Не отпущу, обещаю я себе. И «Смысловые галлюцинации» больше не буду слушать. Н-н-никогда н-н-не буду.

Не бойтесь, выживем. В крайнем случае – из ума

Около кладбища меня уже ждало такси. Водитель невозмутимо выслушал: Иерусалим, Дорот Ришоним, 5, – и тронулся с места.

– Какая из радиостанций вам меньше всего претит?

Но меня же не зря Черный пес по Питеру всю ночь водил – реагирую соответственно:

– Тишины, пожалуйста. Погромче.

– Значит ли это, что я должен открыть окно? – улыбается таксист, прибавляя скорость.

Все-таки избранный народ – это не евреи, это питерцы. Выхав из города, водитель разгоняется до ста пятидесяти. Поймав мой испуганный взгляд, усмехается: не бойтесь, выживем. В крайнем случае – из ума.

Нормальных людей не бывает

Кажется, я снова заснул в машине. Очнулся уже на Дорот Ришоним, 5.

– Я же говорил – выживем, – улыбается таксист, останавливая машину.

– Из ума? – уточняю я, улыбаясь в ответ.

– Ну... нормальных людей не бывает, – усмехается водитель и уезжает.

По ночному небу Иерусалима пятнами Роршаха ползут тучи. Тучи Иерусалима не врут
– нормальных людей не бывает.

Радость

В Иерусалиме, по небу которого пятнами Роршаха ползут тучи, разбросана радость. Это такая сеть русских гастрономов – «Радость». В ту «Радость», что на улице Гилель, 17, ну, где ты на кассе работаешь, – я больше не заходил. На всякий случай. И израильские суперы тоже избегал. Во-первых, не хотел снова встретить родственницу Тефали, а во-вторых, кошерная ветчина – вообще несъедобна. Это мне Черный пес Петербург сказал на набережной Мойки. Еще одна «Радость» была недалеко от русской библиотеки, на улице Бецалель, 20. Ее держали Клим и Слава. Зять и тесть. Клим – зять, а Слава – тесть. Или наоборот. Трудно было понять, кто из них кто, – оба производили впечатление пьющих людей. Клим – очень пьющего человека, а Слава – просто пьющего. Или наоборот. Древняя история гласит, что они начинали с того, что развозили прямо по домам на фургоне селедку. Так что ничего удивительного – это я про то, какое впечатление производили зять и тесть. В общем, радость, разбросанная по Иерусалиму, была небритая и с перегаром. Ну и вообще – казалось, что радость существовала только в гастрономе «Радость», да и то была просрочена.

Дни были какие-то серые, слипшиеся, как пельмени из магазина «Радость», что я покупал себе на завтрак, обед и ужин. Завтрак не отличался от ужина, а вторник от пятницы. И завтраки и вторники были одинаково безвкусны, хотя упаковка провозглашала: неповторимый вкус. И среды и ужины состояли из писем и ответов на письма. Соль и перец добавляйте по вкусу. А еще к пельменям бесплатные газеты объявлений в этой «Радости» в пакет вкладывали. Как когда-то в России, где у пельменей был действительно неповторимый вкус. В одну из пятниц я вычитал в этой бесплатной газете: ученые выяснили, откуда могли появиться легенды о морских чудовищах. За огромных змеев, ящеров с длинной шеей и других монстров моряки могут принимать эрегированные пенисы лежащих на спине китов.

Если вдруг кто-то не понял, то перевожу с русского на русский: мир упорно посылает нас на хуй, но мы продолжаем фантазировать. Верить в Бога и в неповторимый вкус магазинных пельменей. В радость. В сеть русских магазинов и вообще в радость. Ну это как моя бабушка верила, что Ромео и Джульетта не могут умереть.

Майя через алеф

Как говорил тот ненормальный таксист из Питера, нормальных людей не бывает. Еще меньше, чем не бывает, нормальных в шесть пятнадцать утра. Нормальные люди в это время спят, спал и я, притворяясь нормальным; рядом спала Даша, вернее, мне снилось, что Даша спит рядом, и я не хотел ее никуда и ни за что отпускать, я обещал Володе Бурдину, что н-н-никогда и н-н-ни за что ее не отпущу, а Бодров обещал мне, что я с ней обязательно встречусь; вот мне и снилось, что она рядом; нормальный сон ненормального человека, и только ненормальный может мешать такому сну, трезвоня в дверь в шесть пятнадцать утра. Да еще в шабат.

Я открыл глаза и уставился на шабат. Шабат, в свою очередь, уставился на меня. Пока мы играли с ним в глазелки, в дверь продолжали звонить, подтверждая, что нормальных людей не бывает. Ненормальные начали стучать в дверь. Стук, копыта, всадники, Апокалипсис – построил логическую цепочку мой непроснувшийся мозг. «Блядь», – сказал непроснувшийся я и моргнул. «Продул, – захлопал в ладоши шабат, – проигравший открывает». Пришлось встать с кровати и проснуться.

Кстати, когда ты затеешь этот твой апокалипсис, то пусть его начало сыграет Дживан Гаспарян. Я помню, что у тебя там в ТЗ труба прописана, но поверь – никто другой не справится. Под звуки старой абрикосовой дудочки Гаспаряна Христос прошел «Последнее искушение» Мартина Скорсезе, а потом еще разок поднялся на Голгофу у Мела Гибсона. Гладиатор Рассела Кроу любил и сражался под дудук Дживана Гаспаряна. Говорят, что даже ты откликнулся на его звуки. Но тут не уверен. Не в Гаспаряне, естественно, – в тебе. Ну потому что если бы ты его послушал – не было бы всей этой херни. Но если уж кто-то и может тебя оправдать – и за апокалипсис, и за это мое пробуждение в шесть пятнадцать утра в шабат, – то только Дживан Гаспарян.

Но в тот шабат дудука не было. А вот апокалипсис был. Прямо за дверью моей полуторакomнатной квартиры на Дорот Ришоним, 5. Апокалипсис и два его всадника – Илья и девушка. Всадник Илья был пьян, лица на нем не было. У второго всадника лицо было. Симпатичное, даже красивое. Бледное, с кровавым подбоем губ и ресницами до подбородка. «Майя, – представлялась она сквозь ресницы, – через алеф. – И повторила, как будто записывала со всеми огласовками справа налево в разлинованную тетрадь: – Через алеф, не через айн».

Нормальных людей не бывает. По крайней мере, среди моих друзей, тем более в шесть пятнадцать утра в шабат. Илья и не был нормальным, но он был хорошим. А с хорошими людьми случается всякое. Трудно объяснить это всякое. Словом «любовь» это не опишешь. Другими словами – тоже. С Ильей случилась Майя. Через алеф.

Конец света в пятницу. Успеем вдоволь потанцевать

Запахло травкой. Значит, уже шесть тридцать. Этажом ниже у меня жил сосед, по которому можно было часы проверять. Он каждый день пунктуально курил на балконе марихуану в шесть тридцать утра. В шабат – тоже. Вот так они – Илья и Майя через алеф – и зашли в мою бестолковую жизнь и съемную квартиру на Дорот Ришоним, 5: вместе с запахом травки. В шесть тридцать утра. В шабат.

Майя через алеф зашла в мою жизнь в босоножках, а Илья – в своих огромных ковбойских сапогах, в таких Чарльз Бронсон убивает Генри Форда в фильме у Серджо Леоне. Только у Ильи размеров на шесть больше. У него вообще вечно были проблемы с покупкой обуви. Однажды он рассказывал: купил кроссовки. Пришел домой – обе левые. Одна сорок шестого размера, другая – сорок седьмого. Но повезло – подошли. В общем, у Ильи были проблемы не только с покупкой обуви. Либо он сам разыскивал неприятности, либо беды искали его. Но рано или поздно они всегда встречались.

Пока я под запах соседской марихуаны размышлял обо всем этом – ну то бишь ни о чем, из комнаты раздался голос Майи: «Я сейчас заплачу!» И рассмеялась. Голос у нее, кстати, был... ну сразу понятно, что конь, борщ, изба, дети, деньги – это все не к ней. Для этого есть мужчины. В данном конкретном случае – Илья. И в данном конкретном случае Илья восторженно заявил: мы еще успеем вдоволь потанцевать! И они действительно потанцевали. Ну как потанцевали – вы когда-нибудь видели, как Чарльз Бронсон танцует в полуторакомнатной квартире в Иерусалиме, на Дорот Ришоним, 5? Ну вот так примерно. Хотя Майя через алеф была ничем не хуже Клаудии Кардинале – и грудью, и взглядом. Она вообще была небрежно неотразима в каждом жесте. Я про Майю. Ну и про Клаудию Кардинале тоже. Я смотрел на этот странный еврейский сиквел «Однажды на Диком Западе», списывая все на соседскую марихуану. Хер.

Дотанцевав, Майя показала мне на мою же книгу про муми-троллей, которую я когда-то спас, и они с Ильей прочитали по ролям:

– «Я сейчас заплачу! – сказала фрекен Снорк. – Я так боюсь конца света».

– Не волнуйся, он наступит только в пятницу, – попытался утешить ее Илья. В смысле Муми-тролль. – Мы успеем вдоволь потанцевать до этого.

– У нас конец света? – спросил я.

– У нас концерт! – заявил Илья.

– У нас?!

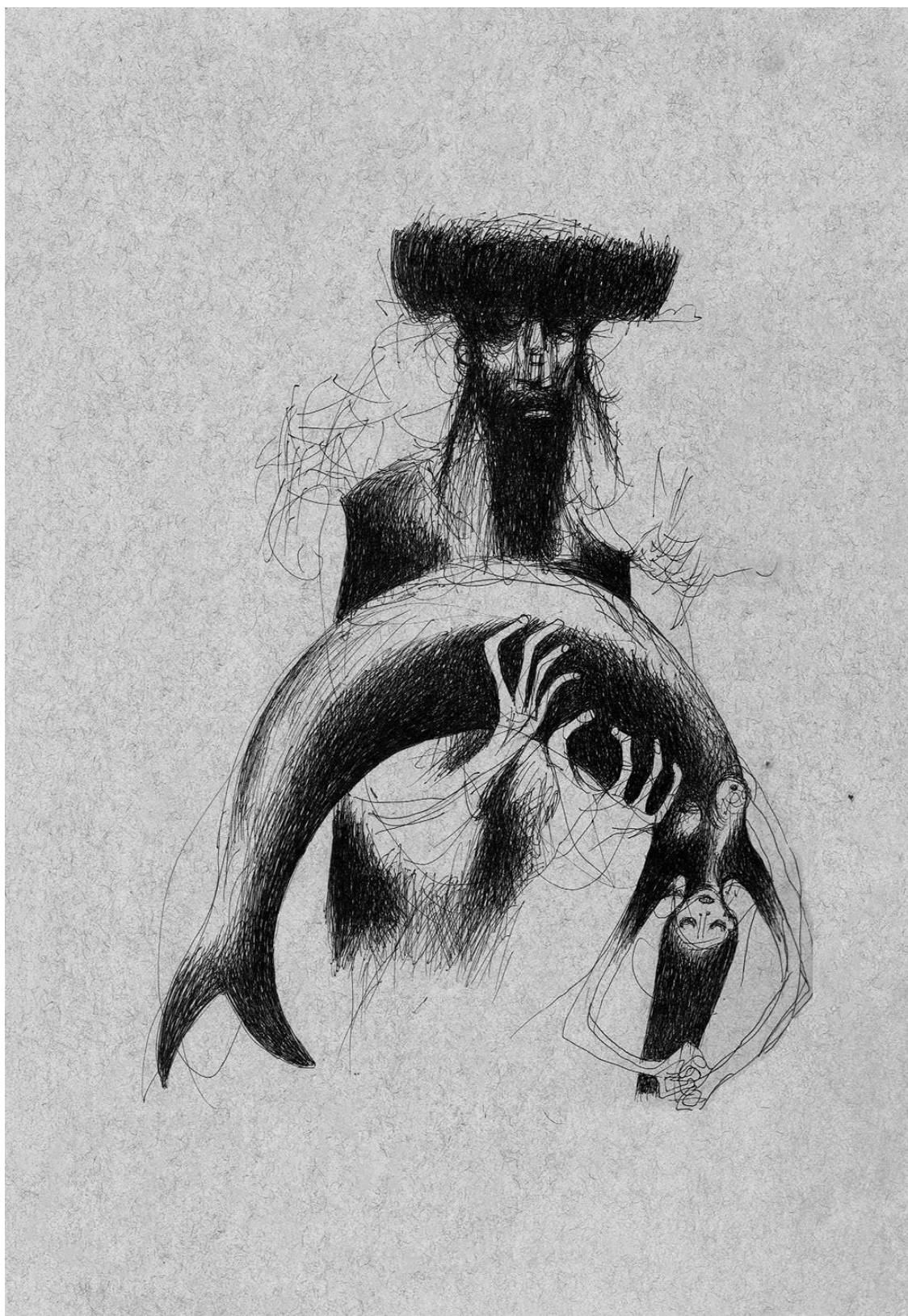
– Ну да, – ответил Илья с невозмутимостью Чарльза Бронсона. – Майя будет петь и играть на гитаре, ты – на клавишах, я буду на звуке.

Крупный план глаз Майи – Кардинале. Крупный план глаз Ильи – Бронсона. Не шутят.

– Не волнуйся, концерт в пятницу, – попыталась успокоить меня Майя.

Я не очень-то успокаивался, и Илья пошел за водкой.

Да, это было в Иерусалиме, еще не было семи утра, и был шабат, но Илья из тех людей, что абсолютно в любом месте знают место, где можно купить водку. В любое время. Кстати, о времени: на часах 21:13. Успеем вдоволь потанцевать.

Что тебя не устраивает? Смерть

– Хочешь узнать, как мы познакомились? – спросила Майя через алеф, когда ушел Илья.

Я хотел спать, я ненавижу, когда меня будят, я вообще ненавижу утро, и это было настолько явно написано на моем лице – на русском и на иврите, через алеф и через айн, что она, прочитав все это, возразила ему, моему лицу, на котором все это было написано – на русском и на иврите, через алеф и через айн:

– А я люблю утро! Я его больше всего люблю. Особенно когда Рутгер Хауэр укрывает меня и шепчет: «Поспи еще, любимая!» А я такая кусок радуги отламываю и грызу.

– Хауэр?! – спросил совершенно охреневший кактус. Он тоже не любил, когда его будят.

– Да, Рутгер Хауэр – мой любимый актер, – невозмутимо ответила Майя через алеф. – Так вот, мы познакомились вчера в Эйлате. Я там в полиции работала.

– Блядь, – выругался кактус. Он, как и все нормальные люди, не любил полицию.

– Это водная полиция, точнее, морская, – возразила Майя. – Мы плаваем в море и следим за тем, чтобы люди не нервировали рыбу. Кстати, штраф – семьсот тридцать шекелей.

– Блядь, – сказали мы с кактусом.

– Но я Илюше никаких штрафов не выписывала, – успокоила нас Майя через алеф. – Мы с ним трахнулись, потом решили создать рок-группу и сразу приехали к тебе. А, нет, сначала мы еще раз трахнулись. Кстати, можно душ принять, а то я с дороги?

Мы с кактусом не успели ничего ответить, а она уже скрылась в ванной.

Я подошел к окну. За окном шел дождь, дождь будущего, как в великом фильме «Бегущий по лезвию»; в фильме, где играл великий Рутгер Хауэр, любимый актер Майи через алеф; под дождем, как рыбы, которых нельзя третировать – штраф семьсот тридцать шекелей, – плавали люди, где-то там в поисках водки плавал Илья, которого Майя через алеф не стала штрафовать, а трахнулась с ним, и они решили создать рок-группу.

Я прижался к стеклу.

– Я буду задавать вам вопросы, а вы расслабьтесь и отвечайте на них как можно проще. Тест на способность сопереживать. Расширение капилляров при так называемой реакции стыда. Расфокусировка зрачка, произвольное расширение роговицы.

– Готовы?

– Да.

– Дорот Ришоним, пять?

– Моя квартира. Съемная.

– Хорошая квартира?

– Вполне. Это уже тест?

– Просто разминка. Вы в квартире...

– Это тест?

– Да. Вы в квартире, и вы один...

– Почему?

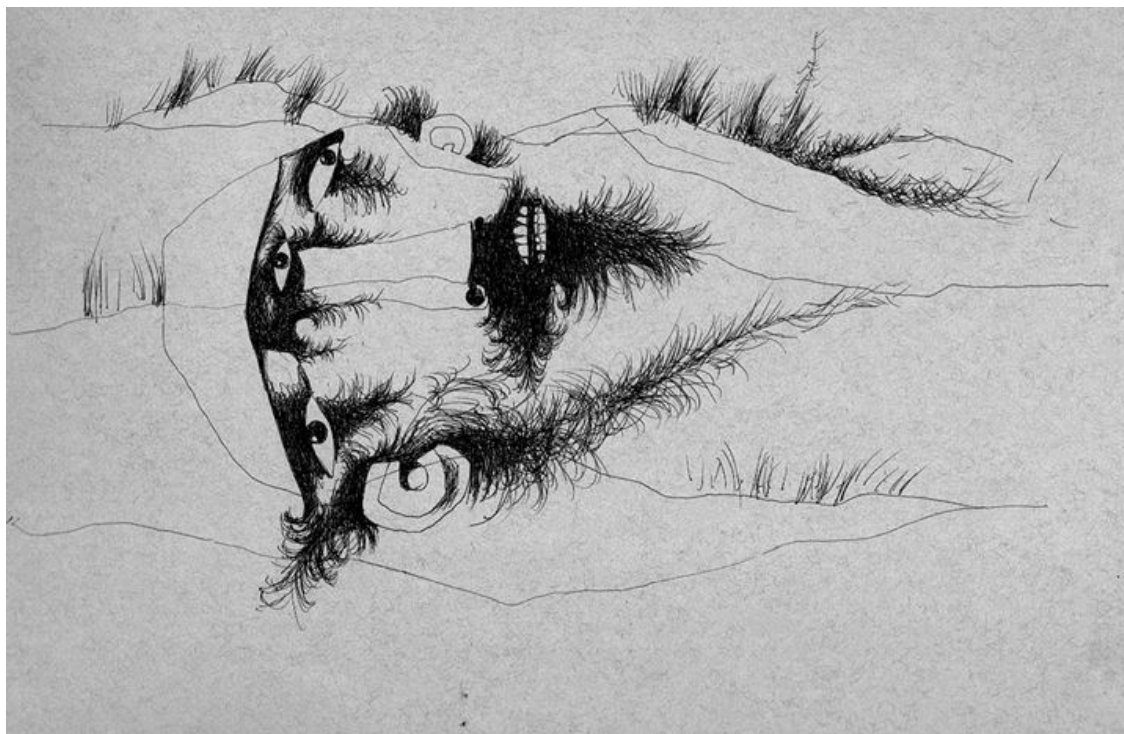
– Может, все осточертело и захотелось побыть одному. Или вам двадцать лет и вы уснули после своего дня рождения...

– Тогда это не Дорот Ришоним, пять. Это квартира моей бабушки на Соколе...

– Не имеет значения. Это абстракция. Так вот, вы видите тестуда сулькату.

– Тесту... Кто это?

– Черепаха. Она держит на спине дюжину слонов, слоны держат мир, и вдруг вы почувствовали дрожь и скрежет. Дрожь странная, болезненная, словно дрожит мир, но не так, как при землетрясении, а от озноба. Скрежет похож на голос Тома Уэйтса, замерзающего в глухой степи. А потом звучит Моцарт. Соната № 11, часть третья, *Rondo alla turca*.

Моцарт звучит и прямо сейчас. Это Илья, он спрашивает, есть ли у меня кола. Я молчу. Это не тот Моцарт, что мне нужен. Я жду Дашиного Моцарта. Илья все понимает, дает отбой, покупает колу и выходит под дождь. Майя через алеф стоит под дождем душа. Рыб нельзя нервировать. Штраф семьсот тридцать шекелей. Хочется стать рыбой. Илья купил водки и плывет под дождем. Шабат. Семь двадцать утра. Загорается рекламный стенд: в загробном мире вас ожидает новая жизнь. Не упустите свой шанс.

– Время еще есть, – усмехается любимый актер Майи через алеф. Он успел встретиться с тем, кто его сотворил.

– Чем могу помочь? – спросил Создатель.

– Исправить свои ошибки, – ответил созданный.

– Что тебя не устраивает? – удивился Создатель.

– Смерть, – ответил Рутгер Хауэр.

Через два часа и пятьдесят минут я скажу тебе то же самое. Ну если ты, конечно, есть.

Ощущение какой-то недосказанности

Илья пришел в 7:45, победно позвякивая бутылками в рюкзаке. Майя через алеф все еще была в душе.

– Если что-то сейчас и придает моей жизни осмысленность, то только Майя. И водка еще, конечно, – сказал Илья, разливая по первой. Было 7:47 утра. Шабат. И мы выпили по первой.

– А почему она через алеф? – спросил я, кивая на шумящий душ с Майей внутри.

Вместо ответа Илья налил, и мы выпили по второй. Было 7:52. Шабат.

– Вы в Эйлате познакомились?

– Ага, прямо в море. Ночью. Представляешь, я в море, она в море, а вокруг все светится. Майя объяснила, что это моллюски такие, они, когда ебутся, – светятся. В общем, мы тоже стали... ну это... светиться. Так и познакомились.

Ровно 8 утра. Пьем по третьей – за знакомство.

8:14. Шабат.

Илья:

– Давай еще по одной, а то ощущение какой-то недосказанности.

Пьем.

8:20. Выходит из душа Майя. В домашнем халатике. Майя – через алеф, а по ее халатику бегают бегемотики. Майя через алеф в халатике с бегемотиками смотрит на мокрого Илью и говорит:

– А вы знаете, что душ – это одомашненный дождь?

Мы не отвечаем. Пьем. Втроем.

8:30. Майя говорит, что у меня фен умер. Он мне от Ави, хозяина квартиры, достался. Пожилой уже был.

8:32. Пьем за фен. Не чокаясь.

8:40. Илья достает новую бутылку из морозильника. Пьем.

8:50. Молчавший все это время кактус рассказывает, что глава хасидов из Пшишке ребе Бунем утверждал: поскольку заглавные буквы двух словосочетаний, обозначающих «водку» и «страх Божий», совпадают, то водка – одна из тех добрых вещей, чье потребление ничем не может быть ограничено. Не ограничиваем себя. Пьем. И кактус тоже не ограничиваем. Наливаем ему. Пьем. Вчетвером.

9:14. Выясняем у кактуса, что ребе Бунем умер в 1827 году. Жаль. Умный мужик был. Но, как говорил врач скорой помощи Костя Парфенов: все мы когда-нибудь умрем. И фен, и ребе Бунем. Пьем не чокаясь.

10:07. Илья достает еще одну бутылку из морозильника. Если хорошая водка заиндевела – то она не льется, а тянется, и вот этот вот звук – это звук пианино Билли Эванса. И эта водка пьется так же, как и слушается Эванс: его не надо закусывать, выдыхать, морщиться – все эти стандартные процедуры не нужны. Эванса надо просто пить. И аккуратно ставить пустую рюмку на стол, чтобы не спугнуть волшебство.

А соло на контрабасе Гомеса – это перекур. Но такой перекур – вприглядку. Когда ты достаешь сигарету, но не закуливаешь, а просто постукиваешь ею по столу в ожидании, когда нальют новую рюмку и снова зазвучит Билли Эванс.

12:09. Майя, уже прилично набиллизвансившись, объявляет, что в следующую пятницу мы играем на фестивале русскоязычного рока. Мне срочно надо выпить. Пьем.

12:15. Майя продолжает: русскоязычного рока в Израиле нет, а вот фестиваль русскоязычного рока есть. На Кинерете. Ну а сразу после нашего выступления и рок появится. Илья – он-то не только под Билли Эвансом, но и под Майей через алеф – согласно кивает и достает новую бутылку. Пьем.

12:40. Майя через алеф говорит, что репетировать не надо, мы будем импровизировать. «А тексты?» – спрашиваю я. «Не бери в голову, стихи – они сами себя напишут», – говорит Майя. Не берем в голову. Пьем. Импровизируем.

13:10. Пьем. Сначала за рок вообще, потом за русскоязычный рок в частности.

13:58. Хотим выпить «за нас» – ну то есть за нашу группу – и понимаем, что группа есть, а названия нет. Пьем. Озадаченно.

14:03. Кактус предлагает хуй. В качестве названия. Во-первых, это красиво, говорит он, а во-вторых, три буквы и вас трое. Думаем. Пьем.

14:40. Майя говорит, что сделает нам майки с буквами, мы встанем в ряд, и будет клево. «Будет охуенно», – язвит кактус. Пьем.

15:20. Тянем жребий – кому какая буква достанется. У меня – «у», Майе достается «й». Илье, соответственно, «х». Пьем.

Дальше я немного умер, а когда проснулся, было 19:07. Илья и Майя через алеф светились. Вовсю. И я снова закрыл глаза.

Проснулся я от запаха марихуаны. Сосед. Значит, уже 6:30. И надо идти на твою почту. Х и Й спали. У выковырял себя из-под одеяла и пошел на работу.

Это был один из лучших шабатов в моей жизни. Сегодня – вечер пятницы. Шабат. Последний в моей жизни. От шабата до шабата много чего случилось.

Как говорил любимый актер Майи через алеф: все эти мгновения исчезнут во времени, как слезы под дождём. Пора умирать.

Все мы когда-то умрем. И фен, и ребе Бунем. Так говорил врач скорой помощи Костя Парфенов. Мое «когда-то» случится через два часа и сорок девять минут. Ощущение какой-то недосказанности. Так говорил Илья.

Боль. Ее слишком много

За все хорошее в жизни приходится хотеть спать. И я хотел. Очень. Я сидел в оторванных страницах календаря. В куче букв и ненаписанных письмах. Письма были везде. Сначала они доходили до щиколоток, потом до пояса, затем они укрыли меня целиком. Как снег. Мольбы, требования, проклятия, исповеди, просьбы – с каждой секундой их становилось все больше и больше. Белая бумага. Черные буквы. Беды. Надежды. Страх. Молитвы. Буквы сливались в строчки, строчки корчились от боли, боль питала страх, страх рождал молитвы, молитвы вселяли надежду и рождали новые беды, новые буквы, новую боль. Прах ты и в прах возвратишься. Уроборос. Кольцевая линия, не занимайте левую сторону эскалатора. Осторожно, двери закрываются. Станцию «Телецентр» уже построили, но это ничего не меняет. Теплый снег продолжает падать. Это не снег, это – письма, но это тоже ничего не меняет. Следующая остановка «Страх». Страх ты и в страх возвратишься. Уроборос. Змея, кусающая свой хвост. Теплый снег продолжает падать. Подул сильный ветер; буквы, некудоты, литеры, знаки препинания, знаки отличия и знаки отчаяния тучей черных снежинок срываются с бумаги, черная боль роем саранчи поднимается в небо Иерусалима, накрывая город, весь мир; облепляет слонов, ослепляет черепаху. Земля на слоновьих плечах дрожит, сотрясаются небеса, меркнут солнце и луна, черепаха закрывает глаза, гаснет свет звезд. *И не одежды, а сердца свои разрывайте* – кажется, это ты нам говоришь; и мы разрываем, и сердца и одежды, а оттуда сыплются новые буквы, новые беды, черные буквы, черные беды, черный снег. Уроборос.

А потом чей-то голос внутри меня произнес: я устал от боли, которую слышу и чувствую. Я устал от ненависти людей друг к другу. Она похожа на осколки стекла в мозгу. Я устал от того, что столько раз хотел помочь и не мог. Я устал от темноты. Но больше всего от боли. Ее слишком много.

А потом я услышал крик. Странный, гортанный крик, похожий на плач и смех одновременно. Нескончаемый крик. Закольцованный. Уроборос.

– Что с тобой?

Черный рой спрятался куда-то внутрь меня, и я проснулся. Кажется, это я кричал.

Передо мной стоял сын Мордехая, начальника почты. У него их штук восемь, и один стоял сейчас передо мной, похожий на уменьшенную копию Мордехая.

– Может, тебе кофе принести? – спросил Мордехай в масштабе один к десяти.

– Кофе?

– Ну да. Как Джон Коффи, только пишется по-другому. – Маленький Мордехай заговорщически улыбнулся.

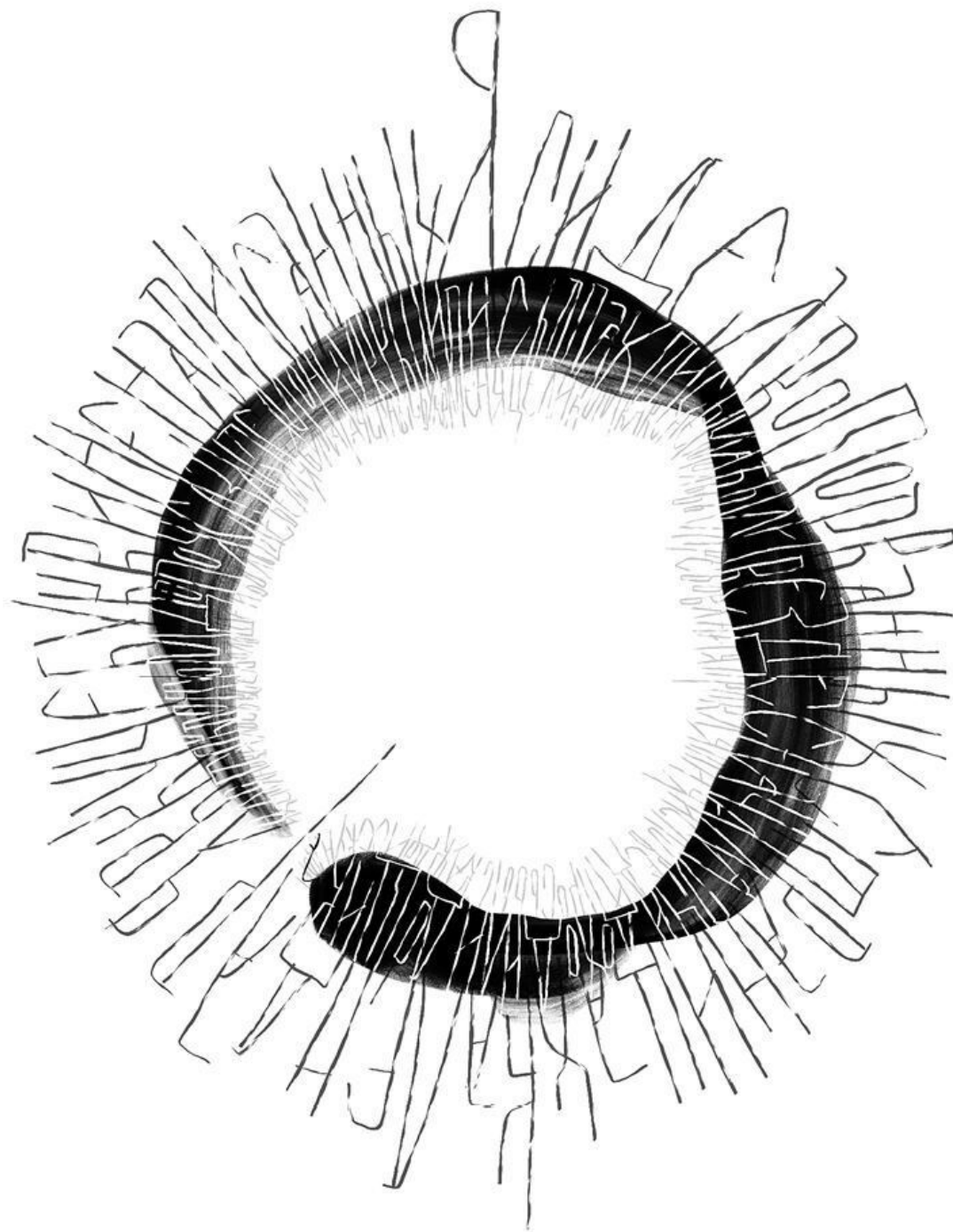
– Нет, спасибо. Я в порядке. Ты только папе не говори, хорошо? – попросил я, стараясь перенаправить перегар поверх мальчика.

– *Все, что происходит на миле, остается на миле. Это закон*, – сказал Мордехай-сын и выразительно пошевелил носом. Прямо как Мордехай-папа.

Я выдохнул рой черных букв вместе с перегаром в окно и окончательно пришел в себя. Это был не сон. Мне написал Алекс. Мой первый.

Бог, привет. У меня не очень хорошие новости, хотя ты их, наверное, знаешь. У меня рак. Такой же, как у папы. Мама плачет, а я думаю, что не умру. А еще я думаю, что если ты послал мне этот рак за то, что я выиграл у тебя в плейстейшен, — то это западло. Но я все-таки считаю, что ты послал его мне по ошибке. Пожалуйста, исправь ее, ты же Бог. И на всякий случай извини за плейстейшен.

Боль. Ее слишком много.

Богу все равно, есть он или нет

Следующее, что я помню, – это очередь. И холод. Холод и очередь. Бесконечная очередь. Беззвучная. Тысячи, сотни тысяч людей смотрят друг другу в затылок. Холод, пробравшись внутрь, убил всё – эмоции, желания, мысли.

Холод. Очередь. Затылок стоит за затылком и смотрит в затылок. Бесконечность затылков. Очередь.

Холод. Холод цепей. *Скованные одной цепью. Связанные одной целью. Очередь.*

Бесконечная очередь. Беззвучная. Тысячи, сотни тысяч людей смотрят друг другу в затылок и молчат. *Круговая порука мажет, как копать.* Холод.

Очередь. Я ищу глаза. Затылок. *Здесь первые на последних похожи.* Холод.

Очередь. Я ищу небо. Вместо неба – натяжной потолок. Бесконечность затылков и натянутый над этой бесконечностью бесконечный натяжной потолок. *Скованные одной цепью.*

Холод. Очередь. Затылок. Натяжной потолок. Голос с неба, которого нет. Голос Бога, которого нет. Голос, равнодушный, как выстрел в затылок: Богу все равно, есть он или нет. Холод.

Очередь. Цифры на руке. Синие цифры. Холод.

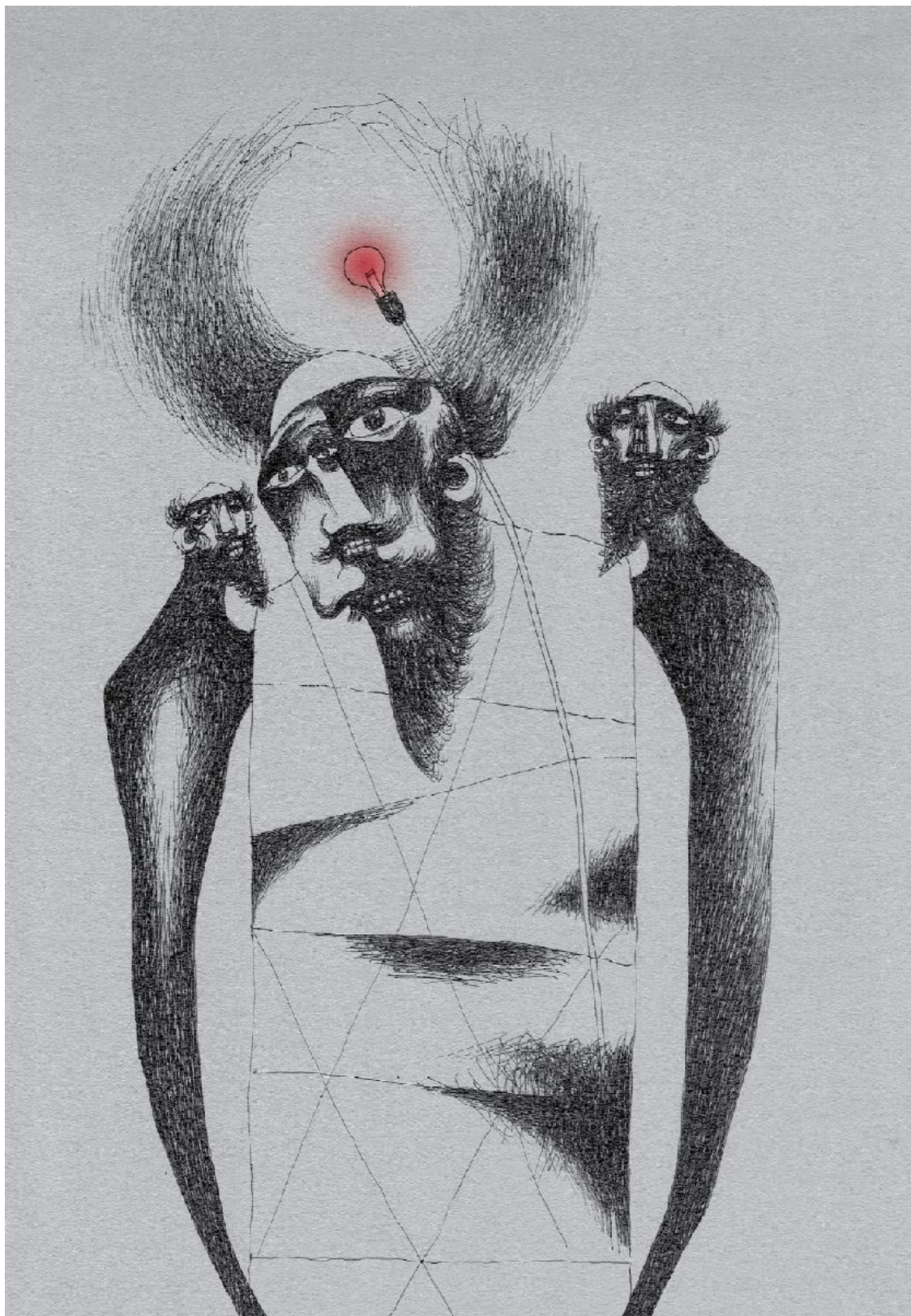
Очередь. По статистике, в один день умирает 159 635 человек. Холод.

Очередь из 159 635 человек. Нет, больше. Не все дожидаются своей очереди. Но они все равно остаются в очереди. *Скованные одной цепью. Связанные одной целью.* Холод.

Очередь. Из затылков. Я – 1 052 994-й. Так написано на руке. Холод.

Очередь. Голос: Богу все равно, есть он или нет. Холод.

Очередь. Из затылков. На затылке передо мной выбриты цифры: 1 052 993. На моем – 1 052 994. На том, что за мной, – 1 052 995. *И если есть те, кто приходят к тебе, найдутся и те, кто придет за тобой.* *Скованные одной цепью.* Холод.

Очередь. Холод. Средняя продолжительность жизни – 2 475 576 000 секунд, мы говорим в среднем 123 295 750 слов, занимаемся сексом 4239 раз, выделяем 60 литров слез. Голос: Богу все равно, есть он или нет. Холод.

Очередь. Холод. Богу все равно. Богу все – равно. *Здесь можно играть про себя на трубе, но как ни играй, все играешь отбой.* Никто не выигрывает. Просто одни медленнее проигрывают. Холод.

Очередь. Я ищу глаза, а чувствую взгляд, где выше голов находится зад. Твой зад, которому все равно. Ты – это Бог. Холод.

Очередь. День. Месяц. Год. За красным восходом – розовый закат. Холод.

Очередь. Голос: Богу все равно, есть он или нет. Контрольный в затылок: Богу все равно, есть он или нет. *Можно верить и в отсутствие веры.* Холод.

Очередь. Телефонная будка. Каждый из очереди входит туда и набирает номер. Номер, написанный неровными буквами у него на ладони. Номер, выбритый на затылке. 1 052 994 – мой номер.

Очередь. Моя очередь. Я набираю номер. 1 052 994. Голос. Я не могу запомнить, что мне говорит голос. Я цепляюсь за слова, цепляюсь за трубку, но меня вышвыривают из будки – очередь. Я кричу.

«Он пришел в себя», – слышу я голос. Открываю глаза. Надо мной натяжной потолок. Закрываю. Голос: «Вы слышите меня?» Голос: «Вы помните, кто вы?» Я – номер 1 052 994. Голос продолжает: «Вы в больнице». Голос говорит, что я вышел из здания почты на Агриппа, 42, и упал. А еще голос говорит, что сегодня я заново родился. А потом смотрит в свои записи и удивленно присвистывает. И я понимаю, почему он присвистывает. Первый раз я тоже родился сегодня. Седьмого мая. Просто, когда мы вчера пили с Ильей и Майей, мы забыли за это выпить. Ну потому что вчера и без этого было очень много поводов выпить: рыбы, которых нельзя травмировать, и моллюски, которые светятся; ощущение какой-то недостаточности и русский рок в Израиле, которого нет, но который обязательно будет, а еще фен и Билли Эванс, а потом мы набиллиэвансились так, что не заметили, как вчера кончилось и наступило сегодня и мой день рождения; а с утра сегодня, в мой день рождения, Майя и Илья спали, а я получил письмо от Алекса – моего первого; вернее, Алекс писал тебе, но ты же не читаешь письма, так что я прочитал его письмо, вышел из здания почты на Агриппа, 42, булгаковская Голгофа, проклятое место; вышел и упал, и чуть не умер, как фен или как ребе Бунем, но, слава богу, меня очень быстро доставили в больницу, и там я родился еще раз и снова – седьмое мая.

– Вы помните, сколько вам лет? – спрашивает меня голос.

Помню. Двадцать шесть.

– Все будет хорошо, – говорит голос.

Пытаюсь улыбнуться. Не получается.

Сейчас – в тридцать – тоже пытаюсь, и тоже не получается. Ну потому что знаю, что хорошо не будет. А еще я знаю, что будет играть, когда меня убьют. «Скованные одной цепью». НАУ. И это будет хорошо. Я про НАУ. И я улыбаюсь.

Ну а Богу все равно, есть он или нет.

Мы еще сразимся с тобой в плейстейшен

Голос говорит, что нужна капельница. И зовет другой голос. Второй голос спрашивает, какая у меня группа крови. «Группа крови на рукаве», – мурлыкает голос. Мой порядковый номер 1 052 994. Голос говорит, что тромб – это очень опасно, он проникает в кровь и может оторваться в любой момент. Второй голос добавляет: это как ходить по краю пропасти. Мы ходили по краю пропасти, по самому по краю, а над обрывом, раскинув руки, она проникла в мою кровь, а потом она оторвалась, я хотел бы остаться с тобой, просто остаться с тобой в комнате с белым потолком и старым фоно, но ты хотела приготовить самый лучший в мире торт, и я поставил Моцарта – Мособлсовнархоз РСФСР, потому что все свои остальные пласты я отдал Косте Парфенову, а станцию метро «Телецентр» тогда не построили, и пришлось переключить мир на 78 оборотов.

Голос говорит, что сейчас будет немного больно.

Игла. Вена. Боль. Кровь. Гроб. Молоток. Гвозди. Черви. Лопаты. Яма. Холмик. Камень. Ограда. Табличка с именем мама. Шоколад.

Горький. Три плитки. Яйца. Молоко. Сливки. Боль.

Все мы когда-то умрем слова черные шоколад горький тот кто хочет свою Дашу сберечь тот потеряет ее слова черные масло сливочное там где справедливость нет любви слова черные ликер сладкий если ты послал мне этот рак за то что я выиграл у тебя в плейстейшен то это западло слова черные сливки жирные осталось только молиться.

Молюсь: яйца молоко сливки черви лопата яма игла вена кровь табличка с именем мама шла Саша по шоссе холмик камень ограда шоколад черный слова черные боль черная мука черная молоко черное черви черные кровь черная.

Игла. Вена. Боль. Мне вкололи Бога прямо в вену. Боль. Черная. Ее слишком много. Если ты послал мне этот рак за то, что я выиграл у тебя в плейстейшен, – то это западло. Боль. Ее слишком много. Почему ты убиваешь? Ты – это Бог. Который любовь. И *каждый, кто на свете жил, любимых убивал*. Слушай, а разлюбить ты нас не пробовал? Если ты любишь всех – то не любишь никого. За что? Из-за яблока? Ну западло же.

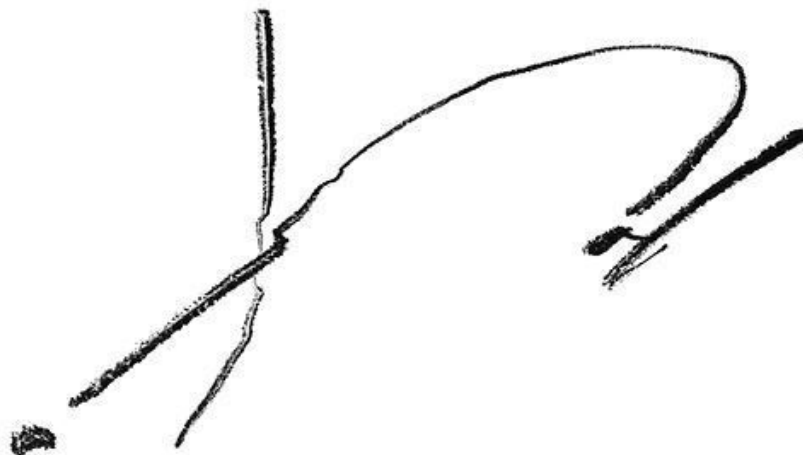
Боль. Игла. Вена. Боль. Мне вкололи Бога прямо в вену. Боль.

Сотни гитаристов под моей кожей нажимают ногой на дисторшн *как будто душу сдернули с кожей* тот кто хочет душу свою сберечь тысячи гитаристов берут на душе баррэ тот потеряет ее *с паром в дыру ушла пресловутая ересь вздорная именуемая душа слова* черные боль черная кровь черная.

Чернилами, черными как кровь, я отвечаю Алексу. От имени Бога, в которого я не верю. Руками, которые не слушаются меня, я пишу слова, в которые я тоже не верю. Буквы, в свою очередь, не верят мне и расплываются на бумаге, будто хотят сбежать. Бумага рвется подальше от этого постыдного всего и просто рвется. «Алекс, привет. Хорошо, что ты мне написал. Сам не знаю, как это получилось, но я все исправлю. Так что – не болей. Маме привет. Пусть не

плачет. И да – мы еще сразимся с тобой в плейстейшен. Твой Бог». И росчерк. Руки Фредди Меркьюри дрожат, и росчерк тоже получается некрасивый, смазанный, как будто Фредди пьян или плачет.

Рано или поздно каждому придется пройти свою зеленую милю

Вот такое письмо. Моему первому. Последнее письмо. Последнее письмо моему первому и последнее письмо Бога. Я, слава богу, не Бог, и у меня есть что-то святое. Немного – но есть. И я поклялся всем, что есть у меня святого, – гроб, молоток, гвозди, черви, лопаты, яма, табличка с именем мама; папа, бабушка; *King Crimson*; Даша, виски, джаз, односолодовый виски, – в общем, святого набралось немало. И я поклялся всем святым больше никогда не отвечать на письма Бога. А потом опять потерял сознание.

А когда очнулся – выдернул иголку с Богом из своей вены и пошел домой. Хотелось кофе и сдохнуть. Но кофе больше. Кофе – это как Джон Коффи, только пишется по-другому. Пол больничного коридора посредине был застелен линолеумом мерзко-зеленого цвета, и я старался идти по краю, не наступая на него. Тогда – получилось. Но рано или поздно каждому придется пройти свою зеленую милю.

Ну вот доисповедуюсь на айфон и пойду.

Когда я пришел домой, Илья и Майя через алеф светились. В такт их свечению на кухне открывалась и закрывалась форточка и звенели пластмассовые ложечки. Свечение их было еще и громким, поэтому кактус сидел в моих наушниках, слушая Леонарда Коэна. Это прям по лицу кактуса было видно, что слушал он именно Коэна, ну или что там у кактусов вместо лица.

У всего есть свой срок годности

– Где тебя носило? – спросил кактус. И это вместо поздравления с днем рождения – и с первым, и со вторым. Ну про второе он, допустим, не знал, но про первое – должен был помнить.

Илья и Майя тоже не поздравили – они пытались одеться; джинсы Ильи нашлись в холодильнике, и они ржали. Не джинсы ржали, естественно, а Илья с Майей. Через алеф. Хотя джинсы тоже ржали. Естественно. Я не стал никому напоминать про свой день рождения – ни кактусу, ни Илье, ни Майе. Я тоже ржал. Странно, что я мог ржать после всего этого, но я ржал. Это помогало забыть про Алекса. Хотя, конечно, не помогало. Должно было помогать. Но не помогало.

Потом Майя кормила меня наверняка вкусным обедом, а я запивал водку водкой. Выяснилось, что я пробыл в больнице три дня, и нам уже пора собираться на фестиваль. Майки с буквами Майя не сделала, потому что они волновались, куда пропал я, и поэтому нам надо придумать другое название группе.

– Теперь это так называется: волновались, – проворчал кактус, снимая наушники.

Илья ничего не сказал – он пытался натянуть на себя заиндевевшие джинсы из холодильника. Майя тоже ничего не стала отвечать кактусу – она с любопытством смотрела, как Илья пытается натянуть на себя замороженные *Levis*. Это было и вправду забавно.

– А еще, – продолжал кактус ябедничать, – она выкинула из холодильника все твои продукты.

– И положила туда мои джинсы. – Бедный Илья стоя запихивал себя в стоящие «левайсы».

– У всего этого, – Майя показала на полное мусорное ведро, – закончился срок годности.

– И у Канта тоже? – спросил я, увидев два килограмма доказательств твоего существования в мусорке.

– Ага, – совершенно серьезно ответила Майя через алеф. – У Канта – давно уже.

– Но вот эту страницу я спас. – Илюха гордо показал на холодильник, не прекращая битву с начинающими уже таять джинсами.

Магнитик «Эйлат», прихераченный на холодильник, прихерачивал туда же вырванную страничку из Канта. Поперек многобукв красным фломастером было написано: утконос – единственное доказательство существования Бога. Кактус, который знал и помнил все, разъяснил нам: в 1799 году английский натуралист Джордж Шоу открыл утконоса. До встречи с этой тварью Шоу был атеистом, как и положено английскому натуралисту. Но потом уверовал в Господа, потому что решил: эволюция не может сотворить такую нелепую зверушку, тут нужен Бог.

Человек – тоже зверушка. Нелепая зверушка. Странная.

Я смотрел на Илью, который смотрел на Майю, которая смотрела на Илью. Они светились. Не так, как моллюски в Эйлате, – а изнутри. Я смотрел на Илью и Майю и думал, что придет момент, когда кто-то из них откусит яблоко, и все полетит к чертям. Это понимание накапливалось во мне, как радиация, рентген за рентгеном, разрушая меня. Когда доза превысила допустимую, я бросился в туалет и выблевал все: это понимание; непонимание понимания; наверняка вкусный обед, водку, которую я пил; водку, которой я запивал водку; тебя, которого мне вкололи прямо в вену, – всё.

У всего есть срок годности. У йогурта и у Канта. У любви и у утконоса. Ты так придумал этот мир и решил, что это хорошо. Ты – это Бог. Ну если английский натуралист Джордж Шоу прав, и ты все-таки есть.

Скоро закончится и мой срок годности. Через два часа и сорок восемь минут. А утконос и правда нелепая зверушка. Ну и человек тоже.

Если тебя не выкинули в мусорное ведро

Я проблевался, Илья влез наконец в джинсы со льдом, а Майя через алеф, изогнувшись в букву алеф, одним движением сняла под майкой лифчик, вытащила его через рукав и сказала, что на фестивале он ей не понадобится. Кактус тихо, чтобы не слышала Майя, сказал Илье: «Видел? Когда-нибудь она и тебя так же выбросит – как этот лифчик». Илья сделал вид, что не слышал, или действительно не услышал, а вот Майя – услышала и швырнула лифчиком в кактус. Тот обиделся и сказал, что в следующей жизни он будет рыбой, которую нельзя нервировать – штраф семьсот тридцать шекелей.

В общем, мы были готовы ехать на фестиваль. Осталось придумать новое название. Я предложил «Без Бэ» и «Контрольный выстрел», Илья – «Три бекара» и «Чтецы закона», дальше последовали «Три погибели», «Неопытное привидение» и «Озорные мизантропы» – Майя отвергла все варианты. Не устроило ее даже «Близкие покойного» и «По барабану». Кактус все время молчал, и Илья протянул к нему руку, чтобы убрать с кактусовой головы бюстгальтер, но обиженное растение, мечтающее стать рыбой, пробурчало из-под бледно-лиловых кружев: «Лучше не надо».

– Это название? – спросила Майя и задумчиво протянула: – А ведь неплохо.

А я – сам не знаю почему – вдруг полез в шкаф и достал свою старую майку. Ту, в которой приехал в Израиль. Ту, которая была на Даше в то счастливое утро десять лет назад. Ту, которую я выкидывал в окно, чтобы навсегда забыть Дашу. Ту, которую потом поднимал с земли и прижимал к лицу. Ту, по которой лабрадор обещал найти Дашу. Ту, с надписью: «Лучше не будет».

Майя и Илья оценили.

– «Лучше не будет». Так и назовемся, – решила Майя.

– Трансцендентально, – поддакнул Кант из мусорки.

Майка все еще пахла Дашей. Или мне хотелось, чтобы так было. Когда-то давно – без малого десять лет назад – я стащил эту майку с Даши, и мы занялись любовью. Лучше не будет – сейчас я это знаю точно. Но знаешь что? Спасибо тебе за то утро. Если ты, конечно, есть, у тебя еще не закончился срок годности и тебя не выкинули в мусорное ведро.

«Когда они говорят “покайся” – я не понимаю, что они имеют в виду»

Музыку Шопена начинаешь понимать, когда тебя под него выносят, сказал какой-то умник, когда его выносили под музыку Шопена.

Меня вынесли из полуторакомнатной квартиры на Дорот Ришоним, 5, погрузили на заднее сиденье машины и повезли на Кинерет. Под музыку Леонарда Коэна.

Я мало что соображал. Голова лежала на сиденье машины и была набита коттеджем. Это такой творог в крупочку, израильский, фирмы «Тнува». Пять шекелей двадцать агорот стоит. Ну это если баночка по двести пятьдесят граммов; а если по триста семьдесят пять граммов – то шесть девяносто. Если во время шведского завтрака у тебя в аду ты увидишь, что из сотни сыров грешник выбирает белую рыхлую штукювину в крупочку, – этот грешник израильтянин, сто пудов. Но в качестве мозгов этот самый коттедж – не очень. Поэтому я лежал на заднем сиденье машины, которая везла меня на Кинерет, и мало что соображал. Под музыку Леонарда Коэна. *The Future*. Коэн пел, что все начинает расползаться во всех направлениях, и все расползлось. Во всех направлениях. Ты, которого мне вкололи прямо в вену; ты, которого я выблевал в туалете моей съемной квартиры на Дорот Ришоним, 5, ты каждым камнем, каждой табличкой и каждым зданием запрыгивал в окно нашей машины и тыкал меня носом в мою блевотину. Вот тут молился Авраам, а вот тут царь Ирод приказал перебить всех младенцев; здесь Иаков увидел лестницу в небо, а здесь Понтий Пилат мыл руки; здесь Иисус провел свою последнюю ночь перед казнью, а вот тут его распяли. И вот тут его тоже распяли – по мнению американцев. Они настолько любят Иисуса, что на всякий случай распяли его еще разок. Вот здесь вознесся Мухаммед, а здесь – Элиягу.

Все здесь является метафорой чего-то другого, и каждый камень – могильный. Наверняка где-то здесь ты потерял то самое слово – то, что было в начале, и то, что было Богом. И это слово стало камнем. Белым камнем вечного Иерусалима. Люди ходят по слову, люди плюют в вечность.

Идет непрерывная война и торговля. Побеждает то двадцать первый век, то вечность. Последняя чаще. Хорошо хоть, Коэн был на моей стороне и пел: *когда они говорят «покайся» — я не понимаю, что они имеют в виду.*

Я посмотрел в зеркало машины — на меня смотрел усталый клоун с печальными глазами лабрадора. Из тех клоунов, что, отыграв представление, запираются в гримерке и вышибают выстрелом коттедж из своих мозгов, даже не стерев грим. Тебе уже двадцать шесть, а каждый порядочный человек с возрастом просто обязан стать идиотом, сказал мне клоун в зеркале. Ты ничего обо мне не знаешь, сказал Леонард Коэн: я тот маленький еврей, который написал Библию.

The Future. Под эту великую вещь Оливер Стоун заканчивал своих «Прирожденных убийц». Есть два альтернативных финала: в одном счастливые убийцы Микки и Мэллори едут в машине. Микки за рулем, а беременная Мэллори наблюдает за тем, как их дети играют. В другом: Микки и Мэллори едут вместе с заключенным из тюрьмы, который помог им выбраться. Тот берет ружье и убивает их.

У моего будущего нет альтернативных версий. Да и будущего уже практически нет. На часах 21:13. Осталось два часа и сорок семь минут. А потом меня убьют.

Все уже спел Леонард Коэн в 1992 году в своем великом альбоме *The Future*: «Детка, я видел будущее — это убийство». Ну а если ты скажешь мне «покайся», я отвечу тебе словами из той песенки: я не понимаю, что ты имеешь в виду. Ну если ты, конечно, вообще есть.

За гранью Бога

Как говорил прирожденный убийца Вуди Харрисон прирожденной убийце Мэллори: если они думают, что это мы заварили эту вонючую кашу, – пусть думают. Но по правде сказать, это была судьба.

И мы ехали навстречу этой судьбе. Мы – это Илья за рулем; Майя через алеф, устроившаяся на пирамиде из колен Ильи, дыма и голоса Леонарда Коэна, и я, с головой, набитой коттеджем фирмы «Тнува», – пять шекелей двадцать агорот за двести пятьдесят граммов или шесть шекелей девяносто за триста семьдесят пять, – на заднем сиденье машины, движущейся со скоростью шестьдесят пять километров в час навстречу судьбе. Ну тогда мы, конечно, думали, что просто едем на Кинерет, чтобы выступить на фестивале русского рока в Израиле. Мы не знали, что мы будем играть, но у нас было название «Лучше не будет», джинсы Ильи не до конца просохли, Даша не брала трубку, я вроде как недавно умер, но мне вкололи Бога прямо в вену, и я родился второй раз. Мы вынырнули из тоннеля, проехали блокпост, Леонарда Коэна сменил Дэвид Боуи, я поклялся больше не отвечать на письма Богу, и со скоростью шестьдесят пять километров в час мы ехали навстречу судьбе. Дорога шла между двумя заборами – когда бетонным, когда из проволоки. Иногда эти стены исчезали, а затем появлялись вновь.

Майя ерзала и никак не могла устроиться: Дэвид Боуи еще более неудобен, чем Коэн. А тем более его *Blackstar* – прощальный альбом гения. Вернее, здесь даже слово «гений» неуместно. Наверное, это лучший альбом за всю историю рок-музыки. Хотя нет, это не музыка. Это голос вечности, который мы не слышим, не ощущаем. А Дэвид – услышал и сыграл то, что он ощутил там – за чертой. Фернандо Пессоа предлагал отправиться искать за гранью Бога, а Дэвид Боуи сделал это. *Lazarus* – мы как раз проезжали Аль-Азарию – Вифанию, место, где находится пещера Лазаря. Того, который умер и которого воскресил Христос. Мы ехали мимо: сейчас невозможно заехать с трассы в деревню, как раньше, – въезд замуровали стеной в целях безопасности, и никакой Иисус Христос не может отвалить этот камень арабско-еврейской вражды. В общем, мы ехали мимо пещеры Лазаря, Боуи пел о Лазаре, а я своим коттеджем, которым была забита моя голова, думал: странно, Лазарь – единственный в мире человек, который почти документально побывал там и вернулся, почему же он никому не рассказал про «там»? Там ничего нет? Нечего рассказывать? Ничего не запомнил? Там так страшно, что нельзя рассказывать тут? А вот та очередь, что я видел, когда был там, – это и есть то самое «там» или это все-таки было здесь?

Говорят, Лазарь прожил еще тридцать лет после того, как Иисус Христос сказал ему: выйди вон. Выйти-то он вышел, но никому ничего не рассказал.

Вместо него спустя много лет это рассказал Дэвид Боуи в своем *Blackstar*. Ну не совсем рассказал – там нет слов, хотя слова там есть; там нет ни вокала, ни саксофона, ни ударных, хотя все это там есть; это то, что за пределами всего, записанное умирающим Боуи и выпущенное в свет 8 января 2016 года в день его рождения. А через два дня Боуи умер. Хотя я думаю, что это он «еще раз умер». А первый раз он умер, чтобы услышать все то, что он спел в *Blackstar*. То, что за гранью Бога. Ну если ты, конечно, вообще есть.

Встань и иди

Мы спускались в Иорданскую долину. Природа – хотя нет, это нельзя было назвать просто природой. Это было похоже на проповедь. Величественную и бесплодную. Бесплезную, как и все проповеди. Ну потому что когда ты говоришь мне «покайся» – я не понимаю, что ты имеешь в виду. И ты тоже не понимаешь. Ты – это Бог. Ну если ты, конечно, есть.

Даже не так. Грех этот твой. И каяться нужно тебе. Но ты не будешь этого делать, ты же – Бог. Если ты вообще есть.

На стенах справа громадными цифрами кто-то старательно отмечал уровень нашего – ну или твоего – грехопадения: +500 метров выше уровня моря; +400; +100.

На цифре «0» зазвонил Моцарт. Соната № 11, часть третья, *Rondo alla turca*. Вера. Ну после гиюра она стала Эстер, но для нормальных людей так и осталось Верой. Той самой истинной верой, которую обрел Ицхак сначала за стойкой бара «Рéга», а потом в моей полутораконатной квартире на Дорот Ришоним, 5. Той, с глазами тефах аль тефах размером с кипу. Той, что родила Ицхаку дочь. Девочку назвали в честь маленького бога без сисек – Светой.

Ицхак по-прежнему сидел в тюрьме, Вера растила дочь одна и надеялась, что, когда придет время, у Светы вырастут сиськи, потому что девочкам в этом мире без сисек – никак. Я как мог помогал им, и вот сейчас – на отметке «0» – Вера позвонила и сказала, что Света впервые встала на ножки и сделала первый шаг. А потом упала. «Талифа Куми», – сказал Свете Иисус Христос. Ну, в смысле: встань и иди. «Охуеть», – сказал я. Ну, в смысле – поздравляю. «Аллилуйя», – сказал Леонард Коэн. Маленькая девочка Света сделала еще один шаг, опять упала и заплакала так, что было слышно во всей Иорданской долине. «Встань и иди», – сказала дочери Вера.

На глубине тысячи поцелуев

– У тебя дочь есть? – спросила Майя через алеф.

Пришлось рассказать ей про армию; про Ицхака, который неправильно верил в Бога; про маленького бога без сисек, про ой, то есть блядь – про всё. И про то, как я пел маленькой Свете колыбельную. Пел «Сержанта Пеппера» – с первой до последней песни.

– Почему битлов? – деловито поинтересовалась Майя.

– Ну я просто других колыбельных не знаю, – ответил я.

– А ведь это важно, чтобы у человека были правильные колыбельные, – включился Илья. – Тогда и человек хороший вырастет. «Клуб одиноких сердец» – правильная колыбельная.

Майя замолчала и молчала до отметки минус 100. И уже там, под невидимой водой, решительно заявила:

– Надо начинать еще раньше. С зачатия.

Уселась поудобнее, тщательно разгладила ладонями юбку и лицо, а потом спросила Илью:

– Под какую вещь будем зачинать нашу дочь?

Охреневший Илья сбросил скорость, продолжил охреневать до отметки минус 200, а потом сказал:

– Но я хочу сына. – Потом еще помолчал и добавил: – «Метла», *Master of Puppets*.

– Ну вот уж нет! – чуть не выпрыгнула из машины Майя. – Не буду я под них трахаться! Ты бы еще сказал *Metallica* с симфоническим оркестром!

До отметки 250 метров ниже уровня моря они ругались, а после нее – целовались. Нежно. С закрытыми глазами. А Илья при этом все прибавлял и прибавлял скорость. А Леонард Коэн пел «сквозь бездну тысячи поцелуев».

Я сидел на заднем сиденье и думал, что это очень странно. Абсолютно все. И сам поцелуй – это какая-то странная, нелогичная штука. Как люди вообще до него додумались? Это же неудобно, и носы все время мешают, особенно если это еврейские носы. Но людям нравится. И евреям – тоже нравится. Странно это. И то, что еврей Коэн уходил на пять лет в тибетский монастырь, где молчал все эти пять лет, – тоже странно. Молчал – не в смысле не пел песни, а в смысле молчал. И что потом он вернулся и пел. И что вот поцелуй Ромео и Джульетты и поцелуй Иуды называется одинаково: поцелуем. И что люди после поцелуя Иуды не перестали целоваться – это тоже странно. Вот только проститутки этого не делают. И что только Леонард Коэн мог бы написать песенку про поцелуй проститутки.

А еще я думал, что мы обязательно сейчас втемяшимся куда-нибудь. Мы и втемяшились. На глубине 300 метров ниже уровня моря или, как пел Леонард Коэн: *на глубине тысячи поцелуев*.

Миллионный день с начала новой эры

Втемяшились мы в красный свет. Вокруг не было абсолютно ничего, ну то есть вообще ничего. Как на земле, когда ты ее только создал, а все остальное еще не создал.

И посреди этого ничего, прямо посредине того, что ты еще не создал, – горел красный свет. Светофор, регулирующий ничего посреди ничего. Илья вовремя затормозил, а то наверняка потом пришел бы штраф. Мы остановились посреди ничего и уставились на этот светофор. Обычная железяка с тремя лампочками. Местами ржавая железяка. Но посреди этого ничего железяка смотрелась как поцелуй Иуды. А может, и была им.

Красный свет не переключался минут пять. Или десять. Ну или, как говорил Иоанн Богослов: «как бы полчасца». Это были как бы полчасца, несовместимые с жизнью. Как бы полчасца и как бы жизнь. А еще – сверху звучал голос. Голос был тоже железный и тоже местами покрыт ржавчиной. Ржавый металлический голос без остановки повторял: миллионный день с начала новой эры наступит 28 ноября 2738 года. Миллионный день с начала новой эры наступит 28 ноября 2738 года. Миллионный день с начала новой эры наступит 28 ноября 2738 года.

Потом как бы полчасца закончились, и включился желтый. И ржавый металлический голос тоже сменил пластинку: Богу все равно, есть он или нет. Богу все равно, есть он или нет. Богу все равно, есть он или нет.

Я наконец узнал этот голос – голос Бога, которого нет. Бога, которому все равно, есть он или нет. Мы стояли посреди ничего, горел желтый, а Богу было все равно, есть он или нет.

А потом голос замолчал, и светофор переключился на зеленый. И мы поехали дальше.

Я, кстати, потом посчитал – миллионный день с начала новой эры действительно наступит 28 ноября 2738 года.

Ну это было сильно потом, а тогда – тогда мы поехали дальше. В голове – одуванчик.

«Великая железнодорожная симфония» – она обязательно попадет в рай для песен

Долгое время мы ехали молча. Даже Леонард Коэн молчал. Каждый пытался убедить себя, что ему это привиделось, и каждый боялся даже посмотреть на другого, чтобы не дай бог убедиться, что это было на самом деле. Хотелось провести внутреннюю дезинфекцию, вытряхнуть из себя, стереть, погасить чем-то этот красный свет, который горел ноющей болью где-то внизу и слева; отчаянно нужно было заклеить крест-накрест рот ржавому голосу, застрявшему где-то в районе копчика, и если можно – еще ни о чем не думать: ни про голос, ни про красный свет.

И тут нас догнала «копейка». И эта самая бог знает откуда взявшаяся в Иорданской долине «копейка» неизвестно какого цвета вернула нас обратно в жизнь. Задних фар у этой «копейки» не было, номеров тоже. В машине сидели семь человек, и все семь, включая водителя, хлопали в ладоши и пели: *ох, нехило быть духовным – в голове одни кресты*. Как потом выяснилось, парни были рок-группой, назывались «Братья Карамазовы» и тоже ехали на фестиваль. Какое-то время обе машины ехали рядом, и мы все хором пели: *по Голгофе бродит Будда и кричит «Аллах Акбар»*. Потом «копейка» подмигнула нам отсутствующей фарой и умчалась вперед, и, как ни давил Илья на газ новенькой «тойоты», скрылась за горизонтом. Ну зато Илья и Майя решили, что зачинать своего ребенка они будут под БГ. А «Великая железнодорожная симфония» – она обязательно попадет в рай для песен.

Чертовски крепкий бедуинский кофе

Мы свернули налево на дорогу 90 и сразу за поворотом увидели мужика. Или старика. Его лицо было похоже на лужу, в которую бросили камень. Причем круги по лицу мужика от этого камня разошлись какие-то прямоугольные, а не круглые; и из-за этих кругов было непонятно, сколько ему лет – сорок или семьдесят. Мужик стоял, облокотившись о горизонт, и смотрел куда-то за горизонт. Илья остановил машину и спросил мужика:

– Подбросить?

Мужик показал на слуховой аппарат у себя в ухе и заорал:

– Говорите громче, пожалуйста.

– Подбросить? – заорал в ответ Илья.

Мужик продолжал не слышать Илью:

– Я не знаю, куда я иду.

– Отлично, поехали туда вместе, – сказала Майя.

– О, вас я слышу, – ответил ей мужик и сел в машину.

И мы поехали дальше.

Илья и мужик разговаривали по дороге. Мужик был похож на Дэвида Линча. Ну не на самого Дэвида Линча, а на Дэвида Линча, играющего Дэвида Линча в сериале Дэвида Линча. Поэтому и разговоры их были похожи на разговоры в сериале Дэвида Линча.

– Иерихон, – показал рукой налево Илья.

– Иерихон, – голосом как иерихонская труба протрубил мужик.

– Тут евреи впервые вошли в Землю обетованную, – это Илья.

– Тут евреи впервые вошли в Землю обетованную и истребили всех жителей Иерихона, – это мужик сказал.

Илья добавил:

– Кроме проститутки Раав.

– Проститутке Раав Иисус Навин сохранил жизнь, – в свою очередь сообщает мужик и поглядывает на ноги Майи, длинные, как библейская история.

– Меня Илья зовут, – пытается отвлечь мужика Илья от ножек Майи.

– Тут пророк Илия вознесся, – тычет пальцем в небо мужик.

– Здесь дьявол сорок дней искушал Иисуса, – не оставляет своих попыток Илья.

Но мужик, во-первых, глухой, а во-вторых, явно не Иисус и продолжает любоваться Майей.

– Вот козел, – ругается Илья.

– Да, и козла отпущения тащили вот на ту гору, а потом убивали, – соглашается с ним мужик.

– Может, вы хотите кофе? – улыбается мужику Майя, показывая на лагерь арабских кочевников у дороги. – У бедуинов – чертовски крепкий кофе.

– Я вас слышу! Это чудо! – улыбается Майе мужик, похожий на Дэвида Линча, играющего Дэвида Линча в сериале Дэвида Линча.

Мы выходим из машины и пьем чертовски крепкий бедуинский кофе. У бедуинов это называется «кублат аль-сахра» – поцелуй пустыни.

Мужик увлеченно флиртует с Майей, Илья злится на то, что мужик увлеченно флиртует с Майей; а я думаю, что никто, кроме Линча, не сумел настолько четко определить, что такое любовь. Ни Петрарка, ни Шекспир и даже ни Пол Маккартни с Джоном Ленноном. Путались – все. Либо сопли и вздохи, либо бабки и сперма. Ну и кровь, конечно. Она хорошо сочетается и с соплями, и со спермой. А Линч – он на то и Линч. Для него любовь – чудо.

Два человека в мире – женщина с плечами Хатико и Дэвид Линч – знали о любви все. Женщина с плечами Хатико перемонтировала «Ромео и Джульетту», а у Дэвида Линча ничего не слышащий даже со слуховым аппаратом начальник Купера, влюбившись в Шелли, – слышит ее. И только ее. Потому что любовь.

А знаешь, еще почему Линч знал о любви все? Потому что Шелли, даже влюбившись в этого начальника Купера, похожего на того мужика с лицом, похожим на лужу, в которую бросили камень, так вот – Шелли все равно собирается замуж за полного придурка Бобби. И наверняка поэтому и всё в мире так. Похмелье и Моцарт, а станцию «Телецентр» еще не построили, и «Наутилус» пел, что падал теплый снег, и теплый снег действительно падал, и я бежал от Останкино до «ВДНХ», на обратной стороне мешали ложечкой чай, а Даша не брала трубку и сейчас не берет.

Всё – это не то, что окажется

В белой бедуинской палатке дети, сидя прямо на земле, играли в плейстейшен, запитанной от какого-то генератора. А мы сидели рядом и пили кофе. Чертовски крепкий кофе. Поцелуй пустыни. И это был чертовски крепкий поцелуй.

Мужик с лицом, похожим на лужу, в которую бросили камень, гадал Майе на кофейной гуще; а я гадал по прямоугольным морщинам на лице этого мужика, похожем на лужу, в которую бросили камень. Илья рассматривал свою ладонь, но не гадал – а просто рассматривал ладонь, а потом сжимал ее в камень. И снова рассматривал. Но уже кулак. Хотя, может, он так гадал. Но ни Майя, ни мужик, похожий на Дэвида Линча в сериале Дэвида Линча, не обращали на это внимания.

– Говорят, на земле есть штуковина под названием Белый Вигвам, – говорил мужик, заглядывая в бездонные глаза Майи через алеф. – Это что-то типа вот этой палатки, только там кофе не продают. А может, и продают – не знаю, не был. Короче, там живут всякие добрые духи.

Майя прикрыла ресницами лицо до подбородка – мол, ну и?

– А есть и его противоположность, – продолжал мужик, ныряя взглядом в вырез на груди Майи, который был еще бездоннее, чем ее глаза. Будь с нами кактус, он бы обязательно съязвил: мол, вот почему Майя заявила, что лифчик ей не понадобится, но, к счастью, кактуса с нами не было.

Но и без реплик кактуса кофе в руках Ильи то застывал от ревности, то вновь превращался в кофе.

– Второе место называется Черный Вигвам, – продолжал мужик, выбираясь из омута декольте Майи. – Там человек встречается с собственной тенью. Место бескрайнего могущества, обитель темных сил и страшных тайн, куда не смеют проникнуть звуки молитв. Ну, так говорят.

– Так, блядь, – отчаялся Илья и отхлебнул горечь отчаяния из чашки. – Нам пора ехать.

Арабские дети заголосили еще громче, перекрикивая игру.

– Вам пора ехать, – заорал мужик Илье, перекрикивая арабских детей и компьютерную игру.

– А вы? – спросила Майя.

– Я же говорил, – развел руками мужик. – Я не знаю, куда я иду.

Арабские дети продолжали играть и орать. Мужик секунду понаблюдал за экраном допотопного компьютера, затем обернулся ко мне и сказал:

– Кстати, плейстейшен – это не то, что кажется.

– Что это значит? – спросил я.

– Да хер его знает, – ответил он и пошел к выходу из палатки. Причем пошел как-то так, что затихли не только мы, затихли арабские дети, плейстейшен и генератор. А на выходе из палатки мужик обернулся и сказал Илье: – Ты прав – все важные дела нужно начинать со слов «так, блядь». – Улыбнулся и добавил: – Вообще все дела надо начинать со слов «так, блядь». – Сделал несколько шагов и не обернулся.

Бархатная темно-красная штора поглотила его фигуру. Или показалось. А плейстейшен – это не то, что кажется. Да и вообще всё – это не то, что кажется.

Изгнание бесов

Когда я спросил о красной шторе у Майи и Ильи, они сказали, что ничего не видели. А еще Илья сказал, что видел только то, как этот старый мудака клеился к Майе. И что Майе нравилось, что этот старый мудака клеился к ней. А Майя сказала, что Илья сам позвал к нам в машину этого старого мудака. Так что большой вопрос: кто тут мудака. И они, обиравшись друг на друга, почти всю оставшуюся часть дороги молчали. А в местечке Курси Илья остановил машину и пошел пописать. Ссал он примерно в том месте, где Иисус изгонял бесов. Там тогда какая-то запутанная история получилась: люди, бесы, свиньи.

Наша была попроще. Илья пописал и стоял, обуреваемый бесами. К нему сзади подошла Майя и обняла.

– Ты меня любишь? – спросила Майя.

– Да, – ответил Илья.

– А почему?

– Потому что ты самая лучшая женщина на свете. А ты меня любишь?

– Да.

– А почему?

– Потому что я – самая лучшая женщина на свете.

А потом они поцеловались. Вот такое изгнание бесов. И мы поехали дальше.

Конец пути

А минут через десять мы уже въезжали на пляж Дуга – место проведения фестиваля. Несколько часов назад – когда мы выезжали из Иерусалима – у меня в голове был коттедж. Тот, что по пять шекелей двадцать агорот за двести пятьдесят граммов и по шесть девяносто за триста семьдесят пять. Когда с нами случился светофор Иуды – у меня в голове был одуванчик. В конце пути голова была похожа на авоську с пустой тарой. Бутылки тревожно позвякивали друг о друга, предупреждая о чем-то.

Десять лет назад – когда все пошло наперекосяк – в голове было похмелье и Моцарт. Сейчас в ней позвякивают друг о друга люди и бутылки; мелодии и деньги; постели и письма. Письма к тебе, которого нет. Но ты тоже там – вместе со своим вторым. До конца пути – два часа сорок шесть минут.

Дослушайте до конца это сообщение. Это не спам. Это – исповедь. Я расскажу вам о Боге, которого не было.

Галилейское море

Ну а тогда – тогда на пляже «Хоф Дуга» на Кинерете бродили толпы непричесанных мальчиков и девочек с гештальтами нараспашку: знакомились, обнимались, пили, играли, пили, разговаривали, трахались, пили, трясли хайерами, инструментами и гениталиями, снова пили и снова разговаривали. Галилейское море было декорацией выступлений, и каждый, выходя на сцену, шел по воде. Некоторые пели настолько плохо, что это даже становилось искусством. Выпито было все, кроме Кинерета. Здесь рождались мелодии, семьи и новые группы; и здесь прямо на песке писалась история русского рока в Израиле.

Это было пересечение общедоступного и полного безумия, все перемешалось: аккорды, стаканы, песни, тела, жизни.

Всюду звучали разговоры – бессмыслица полная смысла:

русский рок – это молитва; не бывает коротких песен – бывает короткий член; о блюзах не спорят; у меня никогда не будет нормального мужика – Боуи умер, а Джаггер и Игги Поп староваты; я басист не хреновый, а охрененный; Джордж Оруэлл был оптимистом; это было просто охрехуительно; не стоит оголять душу, для этого есть грудь; не путай апокалипсис с апоплексией; бесит, когда говоришь умные вещи, а тебя обвиняют в алкоголизме; это просто дзенструктуризм какой-то; некрасиво судить о людях только по перегару; глупо говорить, что ты занимаешься роком, – ведь все равно, объясняя, что это, придется признаться: никто не знает, что это, даже Джаггер; где тот длинноволосый, что мог ходить по воде; рок-музыкант – это прежде всего грязный, похотливый козел, а только потом тонкая творческая натура; надо научиться молчать, но для этого надо уметь говорить; русский человек врёт, если говорит о своем стремлении к счастью, – мы не умеем быть счастливыми, нам это не нужно, мы не знаем, что с этим делать; он знал, что был послан небом, он туда не ушел, он вернулся; музыку придумали евреи, чтобы не работать.

Каждый пил, как будто завтра уже не будет, и каждый играл, как будто за пультом стояло бессмертие и писало на жесткий диск. А может, это самое бессмертие себя записывало. Стоя за пультом. На жесткий диск. Не знаю. А видевшие все волны Галилейского моря смывали с берега слова-окурки, осколки мелодий и бутылок, использованные презервативы и души. Может быть, в море, а может, прямо в вечность.

Снова, снова и снова – бог лишил меня слова

Выступления шли одно за другим, как стопки. Стопок было много. Групп тоже. Солнце село. Наступило время луны. Как бы тебе это объяснить: время луны – это время луны. Но это было не наше время. Мы поднялись на сцену значительно позже – в полной темноте. Почти. Огоньки сигарет, зажигалки, мобильники. «Лучше не будет», – предупредила всех Майя. И после паузы добавила: «Так называется наша группа». И замолчала, перебирая струны на гитаре. Илья включил драм-машину, подстроился под ее молчание. Майя молчала. Чтобы научиться молчать, надо уметь говорить. Майя умела. Она умела молчать и в мажоре, и в миноре. И она молчала. Она молчала так, что замолчали все. Замолчал мир. И Галилейское море тоже замолчало, вслушиваясь в молчание Майи. Молчание описало круг и стало чем-то большим, чем молчание. Словом. Просто мы пока не могли его услышать.

И тогда в небе включился светофор. Красный свет первым лучом солнца точно выхватил на сцене лицо Майи. Ее рот – красная помада в красном свете светофора – шевелился отдельно от ее лица. И голос. Но это не голос Майи – это тот ржавый голос светофора Иуды, тот же голос, что звучал откуда-то сверху в очереди из затылков. Богу все равно, есть он или нет. Богу все равно, есть он или нет. Богу все равно, есть он или нет, – повторяют все собравшиеся на берегу Кинерета. Богу все равно, есть он или нет, – повторяет Галилейское море. Богу все равно, есть он или нет, – повторяет молчание. Все громче и громче. *Богу все равно, есть он или нет.*

Я смотрю на Майю – ее рот, живущий отдельно от застывшего маской лица, беззвучно кричит: слово. Мне нужно слово.

Меня выхватывает свет – небо все-таки охрененный художник по свету, – и меня вдруг прорывает. Словами. Скомканные из разных времен слова вырываются помимо моей воли. Слова, впервые догадавшиеся, что они – стихи, такие же нескладные, как и я сам.

*В начале было слово
Слово было у Бога
Бог лишил меня слова
Того что было в начале
Того что и было Богом
Снова снова и снова
Бог лишил меня слова*

Я смутно помнил из школьной физики, что свет – это вроде бы не только волна, но и частица. Сейчас я это ощутил. Свет частицами, камешками, кулаками бил по мне, выбивая из меня слова, как выбивают признание.

*Без слова нет Бога
Меня нет без слова
Тебя нет без слова
Нас нет без слова
Снова снова и снова
Бог лишил меня слова*

*Бог лишил меня слова, – беззвучно повторяет Майя.
Бог лишил меня слова, – пританцовывая, орет Илья.
Бог лишил меня слова, – плачет Галилейское море.
Бог лишил меня слова, – скандируют все.*

*Слова немые да Богу в душу
Слов нет – Бог нем
Без слова нет Бога
Слов нет – я нем
Снова снова и снова
Бог лишил меня слова*

Кто-то выкрутил ручку громкости на максимум, и кажется, что мы сейчас наконец докричимся до тебя:

Снова снова и снова – Бог лишил меня слова.

Но хер. До тебя не докричишься.

А у нас продолжается – снова снова и снова – апокалипсис: Бог лишил меня слова. И тогда я кричу сквозь этот апокалипсис:

*Богом быть очень просто
Бога сделали люди
По образу и подобию
Так как им захотелось
Так как они не могут
Так как они мечтают
Так как они боятся
Так как им это снится*

Кажется, что это все мне снится. Кажется, что я снюсь самому себе.

– Нужно, чтоб Бог был с вами? – кто-то включает кнопку hall в этом сне.

– Да, – отвечает Илья, не переставая отплясывать на сцене.

– Да, – отвечает Майя.

– Да, – отвечают все.

Бог с вами. С Богом. С Богом.

Светофор наконец переключается на желтый солнечный свет, заливающий все вокруг.

*Люди сделайте милость
Подайте на бедность слово
Подайте во имя Бога
Подайте на бедность Богу*

Я вижу себя на сцене. В глазах боль, в капельках пота – рассвет.

Подайте на бедность Богу

И знаешь, что было потом? Да ничего. Нет, ну нас поздравляли, нас хлопали по плечам, нам наливали, но на сцене уже была другая банда, а потом еще одна банда, а потом фестиваль кончился. Вот, собственно, и всё. Ну разве что Майя сказала: я же тебе говорила, стихи – они сами себя пишут. А Илья спросил, помню ли я слова? Я сказал, что это было как во сне. А Илья сказал, что это был хороший сон. А какая-то девушка подошла и сказала, что не стоит оголять душу, для этого есть грудь. Она это уже говорила, но сейчас она сказала это только мне. И оголила. Немедленно. Вернее, медленно. Грудь действительно у нее была – веселая такая, утренняя, что ли. Похожая на круассан. Не внешне похожая, а в смысле съесть хочется. Но мне не нужна была ее утренняя грудь, я взял бутылку и пошел к Кинерету. А на берегу Галилейского моря сидел ты. Ты – это Бог. А рядом с тобой – твой второй. И твой второй показал мне большой палец, а ты сказал, что я иногда трогаю его душу, несмотря на то что души у него нет. А может, наоборот: твой второй сказал, что иногда я трогаю его душу, несмотря на то что души у него нет, а ты показал мне большой палец. Я молча пил из горла, а ты протянул мне свой пластмассовый стаканчик и, усмехаясь, процитировал мой сон: подайте на бедность Богу. А твой второй добавил: подайте во имя Бога и тоже протянул свой стакан. Ну или наоборот. А я сказал, что по воскресеньям не подаю. И вылил водку в Кинерет.

Средняя стоимость моей души

А потом мы поехали домой. Потому что действительно уже было воскресенье, а по воскресеньям в Израиле не подают – по воскресеньям в Израиле работают. Йом ришон называется. А следом за «первым днем» идет «второй», а потом «третий». И ничего. Я ходил на работу и в ришон, и в шени. И в йом шлиши тоже ходил. Я не отвечал на письма к тебе, я даже их не читал. Просто раскрывал конверты и сортировал письма по половому признаку. Собственно, за что мне и платили деньги. А еще светофоров стал остерегаться. От моей квартиры на Дорот Ришоним, 5, до отделения почты, что на Агриппа, 42, – шестьсот метров. Семьсот восемьдесят шагов. Девять минут пешком. Ну это если по Яффо идти. А если по Бен-Йехуда через Кинг Джордж – то тоже семьсот восемьдесят шагов. Иногда семьсот восемьдесят четыре. Иногда семьсот семьдесят восемь. Но те же шестьсот метров. И по той, и по другой дороге – один светофор. Но на Яффо – долгий, а на Бен-Йехуда – короткий, пешеходный. Его можно не замечать. Поэтому я после встречи в пустыне со светофором Иуды всегда ходил по Бен-Йехуда и всегда не замечал пешеходного светофора – перебежал дорогу, не обращая внимания на то, каким цветом горел этот светофор. Потому как кто их знает, эти светофоры.

А еще я решил сон свой записать. Ну тот – на Галилейском море. Зашел в «Графус» на Бен-Йехуда, 35, и купил тетрадку. С портретом Джима Моррисона. Когда я покупал тетрадки в последний раз – таких не было. Я бы в своем восьмом-девятом классе душу бы продал за такую тетрадку. Но некому было. А тут – пожалуйста. Ручка у меня была – *Parker*, которой я на письма к тебе отвечал. Ну теперь-то уже не отвечал, но ручка у меня была. И черными чернилами Бога я записал слова, что кричал тогда на Кинерете. Ну и заодно узнал среднюю стоимость моей души – двенадцать шекелей девяносто агорот. В розницу. Не бог весть какие бабки, конечно, за душу, но и душа у меня с восьмого класса основательно поистаскалась. Короче, права была та девчонка – с грудью, как утренние круассаны: не стоит оголять душу. Не стоит. И зря я ее там не трахнул. Глупо об этом сейчас думать – за два часа сорок пять минут до смерти, – но зря я ее тогда не трахнул.

Не каждому человеку дано так умереть

А в йом ревии – для всех нормальных людей это среда – так вот, в йом ревии зацвел кактус. Тот, пластмассовый. Тот, который не любил Моцарта, но зато любил Колтрейна и Тома Уэйтса. Тот, с наклейкой **מבצע 1/2 מחיר**. Тот, который ты тогда принес Джиму Моррисону. И сказал, что когда-нибудь кактус зацветет. Ну вот он и зацвел. В йом ревии. Ну, может, он и не в среду зацвел, а раньше – просто я это в среду заметил. Это было красиво, даже очень, вот только он еще и умер. Ну как умер, пластмассовый кактус умереть не может – он перестал говорить. Так что да – умер. Я и разговаривал с ним, и на окно переставлял, и Колтрейна ставил – бесполезно. И знаешь, что я скажу? Не каждому человеку дано так умереть. Многие вообще никогда не цветут.

Погружаемся в любовь

«Лучше не надо» – это были последние слова кактуса. Он их сказал, когда мы собирались на фестиваль. Мы думали, что это был вариант названия, а это было предупреждение. Кактус не хотел, чтобы я туда ехал. Он знал что-то и хотел меня уберечь. А я не понял. И теперь он не говорит. «Прости», – сказал я кактусу. Он не ответил – ну было бы странно, если бы мертвый кактус ответил. А потом я увидел на полу конверт от пластинки Джули Круз *Julee Cruise Floating Into The Night*. Я сто лет не брал ее в руки – значит, это кактус. Наверное, это последнее, что он слушал, перед тем как зацвел и умер. Я поставил пластинку и снова сел рядом с кактусом. Гипнотическая *Falling* – великая «заставка» «Твин Пикса». Погружаемся в любовь, запела Джули. Погружаемся, согласился я. Много лет назад тоже был «Твин Пикс» – который «Сиськи». Мне было двадцать, и я сидел за роялем, баюкая душу «Стейнвея» мелодией Билли Эванса. «Пора бы уже полюбить себя и перестать страдать», – улыбнулась она мне. Я тогда еще не знал, что ее Даша зовут, это мне потом Тёма сказал и телефон ее дал. А потом было похмелье и Моцарт. Моцарт был и в этот раз. Нет, не Даша. Звонили из «Домино» и предлагали бесплатную пиццу (диаметр 30 см, начинка на выбор) за историю о моей любви. «Это слишком много», – ответил им я. – По крайней мере, за мою историю любви», – и повесил трубку. «В этот раз не позволяй, чтобы тебе сделали больно», – сказал прозрачный голос Джули Круз. «Постараюсь», – кивнул я. Не получилось.

«Звезды по-прежнему светят», – пела Джули заклинания Дэвида Линча, а мы с кактусом сидели на полу полуторакомнатной квартиры на Дорот Ришоним, 5, и молчали. Он – потому что умер и не мог говорить, а я – потому что мне нечего было сказать. Ну или потому что я тоже умер тогда.

А сейчас я сижу в квартире на Соколе, звезды по-прежнему светят, а жить мне осталось меньше трех часов. Точнее, два часа и сорок четыре минуты. Через эти два часа и сорок четыре минуты, даже меньше, вы получите сообщение. Прослушайте его до конца. Это не спам. Я вам расскажу историю о моей любви.

Иногда просто необходимо выйти за дверь

Кстати, о любви. Пока я сидел на полу с кактусом, ко мне сосед зашел. Снизу. Тот, которого я вместо будильника использовал. Ну тот, который каждый день ровно в шесть тридцать утра травку на балконе курит. Я с ним толком и не говорил никогда, а тут он вдруг пришел и спросил: не хочу ли я пойти в кино, а то у него билеты пропадают. И все из-за девушки. Она на Еву Грин похожа и жила в доме напротив. Ходила полуголая по квартире и трисы не закрывала. А он на нее в бинокль любовался – потому как она на Еву Грин похожа и трисы не закрывает. Так вот он все хотел с ней познакомиться, но не решался. Потом подумал, что раз она на Еву Грин похожа, то наверняка кино любит. Купил билеты и думал позвать ее в кино. Но не успел. Она вдруг сама позвонила.

Сосед тяжело вздохнул и принялся рассказывать дальше. Стояла такая в окне – полуголая и похожая на Еву Грин – и рукой ему показывала: мол, возьми трубку. Он и взял. И она спросила, не помнит ли он, куда она вчера положила лифчик? Он помнил, и теперь они живут вместе. А кино она, оказывается, не любит.

Пока он мне все это рассказывал, она сама ко мне поднялась. Похожая на Еву Грин моя новая соседка остановилась в дверях и спросила моего соседа снизу:

– А что за фильм, которым ты меня хотел соблазнить?

Сосед помялся и сказал:

– Там Ева Грин снималась.

Соседка насторожилась:

– Кто такая Ева Грин?

– Смотрела «Мечтателей» Бертоллуччи? Она там голая и курит.

– Нет.

– А «Город грехов»? Второй? Она там голая и курит.

– Нет.

– А «Трещины»? Она там тоже голая и тоже курит.

– Нет.

– Ну... «Дом странных детей»?

– Это же детский фильм. Она что – там тоже?!

– Нет, только курит.

– Она что – везде курит?

– Ну... нет. В «Трехстах спартанцах» не курила. Но голая была, это да.

Моя новая соседка, похожая на слегка одетую Еву Грин, стояла в дверях моей полуторатной комнаты на Дорот Ришоним, 5, и курила. И эта Ева Грин этажом ниже смотрела на меня... ну, как Женщина, ради которой стоит убивать, смотрела в «Городе грехов» на весь остальной мир. Было очень жарко, и казалось, что у нее от жары сейчас вспыхнут волосы, как у Изабель в «Мечтателях» Бертоллуччи.

В общем, как говорили в фильме «Дом странных детей» – в том, где Ева Грин только курит и не голая: иногда просто необходимо выйти за дверь. Я и вышел. И пошел в кино. На улицу Ллойд Джордж. «Это недалеко – в мошава германит», – сказал мой сосед снизу. А Ева Грин, ну, которая моя новая соседка, ничего не сказала. Просто курила.

Я, слава богу, не ты

У моего соседа снизу было два билета, и я, конечно, первым делом позвонил Даше. Оставьте сообщение. Я подумал и позвонил Ионе. Вне зоны доступа. Позвонил Илье – я не видел ни его, ни Майю через алеф с того времени, как они привезли меня с Кинерета домой. Оставьте сообщение. Позвонил Поллаку – оставьте сообщение. Это оставьте сообщение настолько меня достало, что я оставил сообщение. Хотел сказать, что мне нужно с ним поговорить, что мне нужно поговорить хоть с кем-то, но не сказал. Просто сказал, чтобы он перезвонил. Ну и матом обложил его за то, что трубку не берет. Ни он не берет, ни Илья, ни Иона, ни Даша. Больше звонить было некому: Ицхак в тюрьме, Авраам с улицы Бен-Йехуда не признает мобильных, кактус умер. И я пошел в кино один. По пути еще раз позвонил Даше. Ну хорошо – не один раз, а пять, а если по чесноку, то четырнадцать или шестнадцать, – но она все равно не взяла трубку.

Мне кажется, у тебя тоже такое случается. И ты такой: вот если найдется в Содоме хотя бы пятьдесят праведников и они возьмут трубку, то ради них я пощажу место сие. А в ответ тебе – оставьте сообщение. И ты тогда: если найдется десять праведников и они возьмут трубку, то не истреблю и ради них. А тебе – абонент недоступен. Ну а потом ты хотя бы одного искал, но все время на автоответчик натыкался. Ну и как результат – весь Содом разрушил. И Гоморру в придачу.

Я не ты, слава богу, я только на письма к тебе отвечал. Теперь, слава богу, не отвечаю. В общем, сунул телефон в карман и пошел искать улицу Ллойд Джордж.

Ну и это: если найдется среди тех ста пяти, записанных в памяти моего телефона, хотя бы один праведник... Хотя чего я несу! Даже тебе понятно, что праведников нет. Ты – это Бог. Непонятно, есть ли ты сам, но праведников – точно нет. Доказано Содомом. И Гоморрой.

Просто дослушайте это сообщение до конца. Это не спам. Это – исповедь. Я расскажу вам о Боге, которого не было.

Когда тебя зовет эхо – надо идти

Найти самому нужное место в Иерусалиме – невозможно. Улицы меняют религию и название, переходя из квартала в квартал; время продается на вес со скидкой, ты думаешь, что отдал деньги, а оказалось, что душу. Завтра не будет, говорит тебе Иерусалим. И знаешь почему? Здесь никогда не бывает завтра. Ты окружен тенями, и даже когда эти тени – люди, они все равно тени. И ты не идешь, ты плывешь в этом сгустившемся времени. Долго, очень долго. Когда брассом, а когда по-собачьи. Мимо тебя проплывают города, пророки и обертки от гамбургеров. И только когда ты устаешь плыть и ложишься на спину – тогда Иерусалим сам выносит тебя в нужное место.

Меня Иерусалим вынес в какой-то закрытый стенами дворик метра три на четыре, причем входа в этот дворик не было. И выхода тоже. Наверное, Иерусалим опустил меня туда сверху. Или снизу. Там не было неба – все было закрыто какими-то мостиками, галереями между домами, которые пересекались, превращаясь в паутину, которую сплел Иерусалим. По углам дворика сидели люди с какими-то неправильными, словно вырезанными из того же камня, что и дома вокруг, лицами. Причем ни там, ни там резчик не особо старался. Люди были похожи на дома, а дома на тени. Сквозь камень проросло оливковое дерево, и прошлое Иерусалима качалось на его ветках. И где-то играла музыка. Вернее, это была какая-то после-музыка. Эхо. В 72-м Pink Floyd сыграли свое «Эхо» руинам Помпеи, и пока не умерло эхо этого «Эха», мертвые камни удивленно шептали друг другу: а эти живые что-то знают про нас – мертвых. Вот такой шепот клубился из полуоткрытой двери в самом углу двора, на двери была покрытая патиной табличка с надписью «Кинотеатр», а куда-то вниз вели каменные ступени. Когда тебя зовет эхо – надо идти. И я пошел вниз.

Страсти по Андрею

Это был какой-то вымирающий вид кинотеатров. А может, и уже вымерший. Фойе – если это вообще можно было назвать фойе – казалось, было выбито в скале. Причем тогда же, когда был построен Второй храм. А может, даже Первый. Темно-красная занавеска отделяла зрительный зал, а у этой занавески сидела праматерь Рахель и проверяла билеты. Ну, может, не именно Рахель, но это явно была одна из праматерей Израиля, которая не умерла, дав жизнь одному из колен Израилевых, а тихо спустилась сюда по ступенькам и села около красной занавески, чтобы проверять билеты. Мой электронный билет – тот, что дал мне сосед снизу, – Рахель ничуть не удивил. Хотя чего ей удивляться после того, как она ждала семь лет свадьбы с Иаковом, а вместо нее под фату – ну и под Иакова, соответственно, – ее старшую сестру Лею засунули. Рахель потом еще семь лет ждала. Да и еще в ее жизни много чего удивительного было; так что мой электронный билет ее не удивил, и она пропустила меня в зал. А вот я – удивился. Фильм с Евой Грин – кажется, это была «Проксима» – как раз закончился и начался следующий – «Андрей Рублев». Я вообще фильмы Тарковского не глазами смотрю, а кожей. Но с его «Страстями по Андрею» – с ними вообще все непросто. Я его первый раз лет в пятнадцать посмотрел. Или в четырнадцать. В общем, еще до Даши. Ничего не помню, как стерто. После сеанса нашел себя в соседнем дворе с полупустой бутылкой водки, как покупал, как пил, как вообще вышел из кинотеатра и попал в этот соседний двор – ничего не помню. Помню, что была зима, а куртку свою я оставил в кинотеатре. Это не просто куртка была – это была военная куртка, как у Алена Делона. Юный Алэн Делон ее носил, чтобы было удобнее согреть всех щенков, которых он встречал по пути. И я полгода у бабушки кланчил, чтобы она мне такую купила. Короче, соврал что-то бабушке и доходил до весны в том, что еще от отца осталось. А «Рублева» – через несколько лет – еще раз посмотрел. Вернее, начал смотреть и не смог. Нет, не так. Не «не смог» – а не готов. Не готов к этому предельному отчаянию Андрея Тарковского. Отчаянию, возникающему не у того, кто пристально всматривается в Бога, а у того, кто уже измерил пределы Бога. И вышел за эти пределы.

Ну а тут – раз уж так получилось – остался смотреть. Через какое-то время в полупустом зале стали громко ебаться какие-то евреи. На экране гибнут люди, татарин тащит по земле юродивую – а они ебутся. И женские коленки на пол-экрана. Ну, тень от них. Я хотел было встать и разmozжить этим коленкам череп топором, как Андрей в фильме тому насильнику, но передумал. Во-первых, топора не было; а во-вторых, я подумал, что благословенны колена израилевы. И те, которые колени, и те, которые колена. Все двенадцать. Кстати, кресла там не раскладывались, сиденья были жесткие, а между ними – деревянные ручки. Что заставляло уважать ебущихся еще сильнее.

Пусть себе плодятся и размножаются, подумал я и вышел из зала. Потом я узнал, что красные кресла в зале были привезены из Миланской оперы – так что, может быть, дело вовсе не в Тарковском, а в креслах – ну кто ж откажется потрахаться на креслах Миланской оперы и при этом не платить за авиабилет до Милана. Особенно если есть с кем потрахаться.

А «Андрея Рублева» я решил тогда больше никогда не смотреть. Ну не никогда, а приберечь на последний день жизни. Правда. Так все себе красиво запланировал: включу Тарковского, закурю под титры, ну и того – конец фильма. Но уже не смогу – мне надо успеть все рассказать. Может, уже там – у тебя? Раз у тебя там дом, то и домашний кинотеатр должен быть. Ну если там у тебя вообще что-то есть и если ты сам есть.

Мой плюшевый бог

Когда я сквозь красную занавеску вышел обратно в фойе, праматерь Рахель как-то по-особенному посмотрела на меня. И тогда я тоже посмотрел на нее. А потом она как-то потянулась ко мне. Нет, она была абсолютно неподвижна, но в ее глазах было что-то такое, как будто она хочет меня обнять. И мне тоже захотелось ее обнять. Но я не решился. В общем, так никто никого и не обнял, мы просто поняли друг друга на какой-то степени личного безумия. Степень безумия была немаленькой – за занавеской по-прежнему трахались люди и показывали Тарковского, а мы с праматерью Рахелью смотрели друг на друга. И тут из зала вышел еврей и нарушил наше с Рахелью общее безумие. Еврей этот был очень недоволен, можно сказать, возмущен, и стал требовать у праматери вернуть ему деньги за билет. «Не понимаю, – кричал еврей, размахивая руками, – как можно заниматься сексом в кинотеатре! Там вообще-то люди едят», – орал он, предъявляя праматери Рахели недоеденную питу с фалафелем. Не знаю, чем там у них дело кончилось. В какой-то момент я перестал их слушать. Я вообще в этот момент все перестал – потому что заметил в углу игровой автомат. Ну такой стеклянный куб с краном и двумя кнопками. Такие стояли в кинотеатрах моего детства, куда мы с бабушкой «Ромео и Джульетту» ходить смотрели сотню раз. В тех автоматах были игрушки, ты кидал монетку и, управляя кнопками, пытался достать понравившуюся клешнями крана. Обычно ничего не получалось, но все врал, что им удалось. А потом эти автоматы куда-то делись. Вместе с детством.

Я подошел к этому стеклянному кубу и увидел, что среди кучи мячиков, заек и прочих Барто лежит мишка. Мой мишка. Большой. Мягкий. Плюшевый. Тот, что всегда помогал мне. Тот, к которому я прижимался в детстве, а он меня защищал. От всего. Всегда. Тот, что был как бог, – только лучше. Потому что он был. А потом он куда-то делся. Вместе с детством. А сейчас я его снова увидел – и все перестал. Ну кроме попыток выиграть моего плюшевого бога.

Прокатная версия «Андрея Рублева» идет сто семьдесят пять минут. Полная режиссерская – двести пять. Я не знаю, какую показывали за красной занавеской, но все это время – то ли сто семьдесят пять, то ли двести пять минут – я пытался достать своего мишку. Бесполезно. Ебущиеся уже перестали ебаться и пошли из зала по ступенькам вверх, а я все пытался. Пра-мать Рахель меня понимала – степень безумия у нас была примерно одинакова. Она пома-нила меня пальцем и, когда я подошел, выдернула из занавески красную ниточку и стала появ-зывать вокруг моего левого запястья, бормоча каббалистическую молитву Бен Порат: глаз, не позарившийся на то, что ему не принадлежит, не подвластен дурному глазу. А потом вдруг вскочила и пошла вокруг меня роланбыковским скоморохом, выламывая руки и смыслы:

А без бороды не лада.
Почитай, любая баба
С бородой где надо².

² Из фильма «Андрей Рублев», реж. А. Тарковский

Праматерь Рахель сплюнула и встала на руки. Ее тряпки упали на пол, оголив сморщенное тело. В битве безумий я проиграл, бросил попытки выиграть плюшевого бога и бросился по ступенькам вверх.

Вслед моему убегаящему безумию неслось победное:

А боярин в бега.
За ним гуси: га-га!

Я подумал, что хорошо бы разучиться думать

А во двореке, закрытом от остального мира стенами, стеной шел дождь из «Андрея Рублева». А может даже, из «Страстей по Андрею». В любом случае я моментально промок. Весь, до ниточки – той самой красной ниточки, что повязала мне на руку праматерь Рахель. Дождь – он похож на отпущение грехов. Скорее всего, так и есть. Прими свою вину под розгами дождя, проповедовал когда-то СашБаш. Весь до ниточки промокший я думал о том, продолжают ли думать наши мысли после смерти. И еще о том, что вот сейчас приплывет желтая подводная лодка с надписью *Gett*, которую я вызвал по телефону. А еще о том, что если нижнюю пуговицу рубашки застегнуть неправильно, то и все остальные будут застегнуты неправильно. И мы совершаем в жизни много ошибок, которые вообще-то не ошибки, а просто следствия первой пуговицы, застегнутой неправильно. И что если бы я сохранил своего плюшевого бога в детстве, то, скорее всего, сейчас не мок бы под дождем, как последняя Барто. И может быть, и станцию «Телецентр» построили бы лет на пятнадцать раньше, и теплый снег падал бы не вниз, а вверх; а женщина с плечами Хатико встретила бы кого-то нормального. Ну, например, того сумасшедшего гарвардского Авраама, и завела бы с ним двух маленьких Авраамов. Или трех. И мама Алекса не плакала бы, и никто бы не плакал – только дождь. А после дождя оставались бы лужи счастья. И маленький бог без сисек гуляла бы со своим парнем не по трамвайным рельсам, а по лужам счастья. Они бы держались за руки, и у нее бы выросли сиськи. Или бог с ними, с сиськами. А Ицхак бы не убил араба, а полетел бы на планету Кобайю с Верой. И открыл бы там иешиву имени Кристиана Вандера. А Вера засадила бы всю Кобайю анашой и арбузами. А Поллак... Что именно Поллак, я не успел подумать, потому что Поллак появился передо мной и сказал, что я идиот, причем абсолютно мокрый идиот. Он затолкал меня в свою машину и абсолютно мокрый идиот я подумал, что хорошо бы разучиться думать. Я и сейчас так думаю.

Вот так и живем

Машина Поллака – это была не просто машина. Это был внедорожник – как мне сам Поллак объяснил. И этот внедорожник был размером с синагогу средних размеров. По крайней мере, миньян там бы легко разместился. Черного цвета, с тонированными стеклами – прирожденное зло. Не синагога, разумеется, а внедорожник. Рождено это прирожденное зло было в Америке на заводе Lincoln и съедало минимум пятнадцать литров бензина на сто километров.

Внедорожник Поллака проехал сквозь стены двора, и дождь кончился. Вернее, дождя за стенами вообще не было. Наверное, это был специальный дождь имени Андрея Тарковского, и он шел только там, где хотел.

Зло было Поллаку к лицу. В смысле внедорожник. Лицо было небритое, а прямо перед этим небритым лицом болтались, повешенные на зеркале заднего вида, русская икона и еврей-

ская **תפילת הדרך** – дорожная молитва. И еще елочка с ароматизатором висела. Ты, кстати, тоже там был. И твой второй. В салоне, на заднем сиденье. Бог знает, что вы там делали – на заднем сиденье этой шикарной блядовозки, длинной, как запасная скамейка мадридского «Реала», – но вы там были.

Небритый Поллак вел внедорожник небрежно, одной рукой и, поглядывая на тебя и твоего второго в зеркало, рассказывал, что когда-то давно – еще в России – у него уже был такой. Он купил его в кредит и первым делом поехал похвастаться к отцу. А с отцом они до этого два года как не разговаривали. Ну потому что отец считал, что из его сына ничего путного не получится. Вот Поллак и решил ему продемонстрировать себя и этот «линкольн». Ну чтобы отец мог гордиться сыном или хотя бы разговаривать. А отец сказал, что сын – если он, конечно, нормальный сын – купил бы машину не себе, а отцу. Поллак тогда бросил ключи отцу, бросил внедорожник и ушел пешком. И с тех пор они с отцом больше никогда не разговаривали. Ну потому что отец Поллака через два месяца разбился насмерть на этом самом «линкольне», а сам Поллак еще через два месяца уехал в Израиль. «Вот так и живем», – разводишь ты руками на заднем сиденье. «Бляха-муха», – добавляет твой второй. Ну или наоборот – «бляха-муха» говоришь ты, а твой второй разводит руками. А Поллак, не обращая на вас внимания, рассказывает про Ицхака. Что он – не Ицхак, разумеется, а Поллак – нанял одного из самых крутых адвокатов Израиля, и тот занимается сейчас делом Ицхака. И что час работы этого адвоката стоит десять часов работы девочек Поллака. Анали нет, все в презервативе. Телефон у Поллака непрерывно звонил, и Поллак непрерывно принимал заказы на девочек. Возможно, что Ицхаку не придется сидеть пожизненно, если, конечно, девочки постараются. Поллак рассказал, что этот адвокат выбил у Поллака скидку на девочек, – так что это и впрямь крутой адвокат.

По радио в «линкольне» передают, что католики изменили текст в молитве «Отче наш», и теперь «не введи нас во искушение» будет звучать «не оставь нас во искушении». Ну типа отныне и присно, и причем официально, Бог не при делах. Это все не он. Это мы. Твой второй поздравляет тебя с «восстановленной истиной», жмет руку. Оба ржут. Поллак прерывает ваше веселье, говорит, что истины нет, ее придумали русские – мол, так этот крутой адвокат утверждает. Ты и твой второй замолкаете, а Поллак отправляет очередную девочку очередному клиенту. По радио рассказывают, что молодая девушка умерла во время конкурса по поеданию пирожных. В соревнованиях участвовали полтора десятка человек, она была близка к победе, но начала задыхаться, упала и умерла. Видимо, надо сказать «вечная память», усмехается Поллак и отправляет трахаться очередную девочку, а ты и твой второй послушно говорите: «вечная память». Я устал, как устают от посуды поролоновая губка, хочется сплюнуть сквозь зубы в сторону, закурить и выдохнуть глубокомысленно: вот так и живем. И добавить: бляха-муха. Потому что вот так и живем, бляха-муха.

И будет шварма. И ныне, и присно, и вовеки веков

Поллак остановил машину на улице Агрипос и заявил, что дальше – пешком.

– Куда мы? – спросил я.

– В гости к Богу, – хохотнул Поллак и пошел вперед походкой волка из «Ну, погоди». Ну, той, когда клещи мостовую подметают. Только Поллак был в шортах.

Ты и твой второй недоуменно переглянулись, но послушно поплелись за нами по улочкам Старого города.

Нырнули в какую-то подворотню, потом в какую-то щель. Минут через пять мы дошли до бога. Бога звали Али, он был лыс и страшен, но заулыбался при виде Поллака и даже отложил длинный нож, чтобы обнять своего «хабиби» и похлопать его по плечу.

– У Али – лучшая шварма в Иерусалиме, а значит, и в мире, – провозгласил Поллак.

У лучшей в мире швармы даже вывески не было, никаких привычных «Мама шварма», «Империя швармы», «Королева швармы», «Король швармы». Видимо, все и без вывески знали, кто бог и король швармы. А еще у Али руки были покрыты татуировками – арабская вязь сплеталась в двух очень сексапильных ящериц. Ящерица на левой руке высывала язык, а правая была серьезна и ничего не высывала. На лысине у Али тоже было что-то написано по-арабски, ну или это нимб так отсвечивал.

Ящерицы схватили ножи и слились в какую-то мистерию, пахнущую чесноком и счастьем.

Шварма дана, чтобы снять слой лжи, которой покрыта наша жизнь. То, что трудно сказать на языке человеков, – можно сказать на языке швармы.

Кто виноват что делать куда ты пропал? Шварма.

Нахуя вот это всё твоё варьядрожащая или право имею? Шварма.

Ицхак в тюрьме, Иона на штахим, Поллак торгует блядами, лабрадор ушел, Даша не берет трубку, кактус умер – ответ известен. Если непонятно – тасим кцат хумус.

Небо не говорит – говорит шварма. Ты и твой второй жрали за обе щеки. В смысле каждый за обе. Ящерицы успокоились на груди Али и доброжелательно наблюдали за нами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.